

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

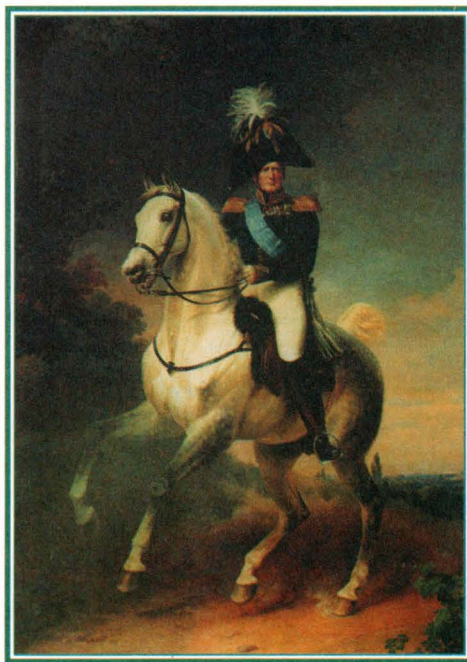
*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый город» признаны
лучшими книгами 2000 года

Наталия Ермильченко

Александр I Благословенный

Художник Александр Чаузов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2002

Страшный сон

Император Александр I внешне был представительным мужчиной, с полным лицом и большими бакенбардами. Держался, как и полагалось, царственно, но приветливо. Это был очень вежливый монарх с приятными манерами, а если ему хотелось кому-нибудь понравиться, он становился и вовсе неотразим.

И вот представим себе, что царь ложится отдохнуть от государственных дел на свой любимый походный матрас, набитый соломой, преклоняет голову на любимую кожаную подушку (тоже набитую соломой), поворачивается на левый бок и мгновенно засыпает. Вокруг топают слуги — складывают одежду, камердинер покрикивает на лакеев, а самодержцу хоть бы что: спит как убитый и видит сон.

Будто бы попадает он в будущее и прямо на экзамен по истории. И экзаменатор как раз спрашивает юношу: «Ну и что же ты можешь сказать об Александре I?» Ответ предстает перед монархом в виде живой картины. На заднем плане — батальные сцены. Он догадывается, что это события войны 1812 года, потому что видит грузного старика с повязкой на глазу — явно Кутузова. Слева — портрет Аракчеева в мрачных тонах с подписью: «Военные поселения»; справа — Сперанский смотрит сквозь заиндевшее стекло, обрамленное сугробами. На стекле написано пальцем: «реформы». А внизу он сам, Александр Павлович, одной рукою основывает Лицей, а другой тут же отправляет Пушкина в Бессарабию. Картину довершает пушкинская строфа:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.*

Между тем преподаватель и лицеист оба друг другом довольны, ведь примерно такая картина и складывается в умах поколений учеников, осиливших учебники по русской истории и литературе.

Конечно, монарх обиделся бы во сне и даже, возможно, заерзал на своем соломенном матрасе, чего обычно не делал.

Потому что думал о себе то же, что и прусский министр Штейн: «Главная черта характера Александра

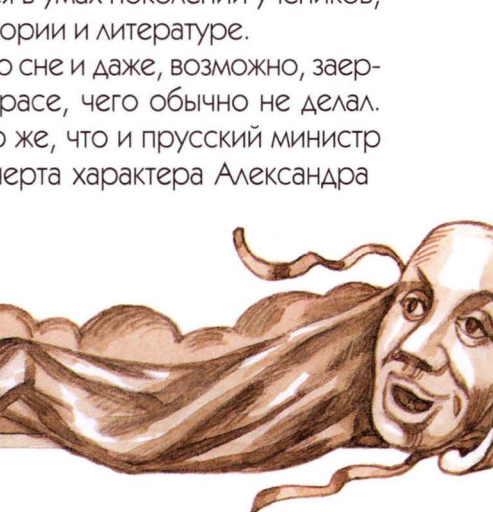

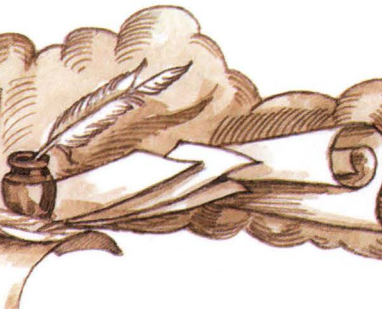
М. Кутузов.

Война окончилась за полным истреблением неприятеля

«Без лести предан»

Гр. Аракчеев

состоит в добродушии, приветливости, в желании содействовать счастью и духовному развитию человечества». Да, с годами волосы его начали редеть. Зато не такой уж он «враг труда». Самодержец служил своему народу практически без выходных. Он даже говорил, что так привык заниматься государственными делами, что без этого уже не может обходиться. Главных государственных дел он так и не сделал — не решился, чем и заслужил упрек. А к славе он и не стремился.

Но что почувствовал бы монарх, если бы вместо пушкинских строчек приснились ему стихи Петра Андреевича Вяземского, вельможи и поэта? Пережив Александра на 53 года, он напишет:

*Сфинкс, не разгаданный до гроба, —
О нем и ныне спорят вновь;
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.
Дитя осьмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.*

Император Александр I оказался для своих подданных такой неразрешимой загадкой, что, когда в расцвете лет вдруг отошел в мир иной, страна так до конца и не поняла, умер ли он на самом деле в приморском городе Таганроге 1 декабря 1825 года? И до конца столетия в народе ходили на этот счет легенды, весьма смущавшие царскую фамилию. Так что императору Николаю II пришлось заказывать специальную книгу для их опровержения.

Вообще-то Александр I вовсе не претендовал на скандальную известность. С юности он мечтал жить не как царь, а как частное лицо где-нибудь в Германии, в маленьком чистеньком городке, в маленьком чистеньком домике. А не в Европе, так хотя бы в Крыму.

И если бы мечте его суждено было сбыться, все были бы им довольны.

Но Александр Павлович Романов родился в императорской семье.

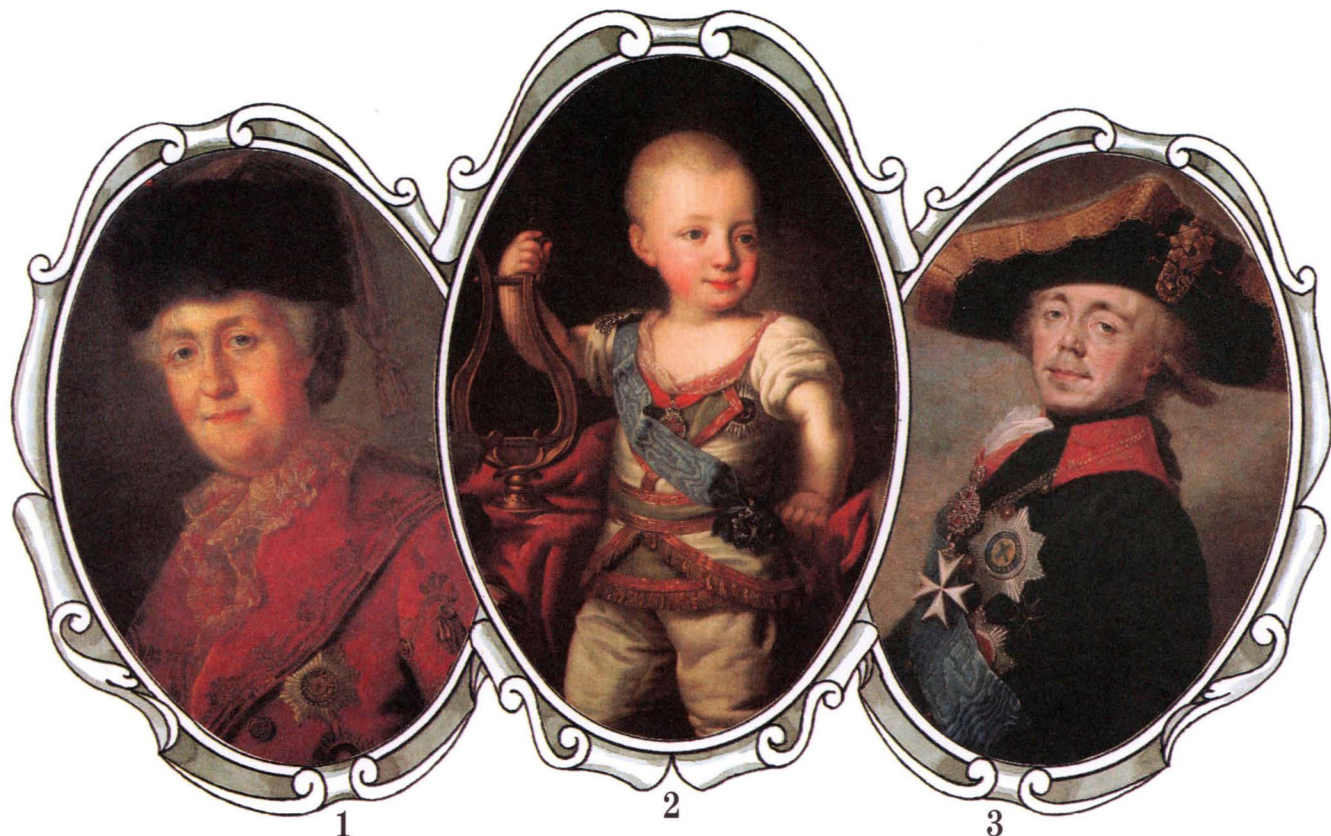

М. Шербаков

«В России нет свободных людей, кроме нищих и философов»

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.

Трудное детство самодержца

Герой этой книги появился на свет 23 декабря 1777 года. Бабушка его была императрицей Екатериной II, папа — великим князем Павлом Петровичем, наследником престола, мама, соответственно, будущей царицей. Так родиться удается не каждому. Дело портило то, что он родился в неблагополучной, как сейчас говорят, семье — с монархами такое тоже случается. Дедушки, например, у него не было, потому что бабушка отняла у дедушки трон (не сама, конечно, а руками помощников, гвардейских офицеров), и ее помощники сначала отправили свергнутого под арест, а затем — на «тот свет». Бабушка, папа и мама жили в разных местах: папа — в Гатчине, мама — в Павловске, а бабушка — то в Петербурге, в Зимнем

дворце, то в Царском Селе. При этом бабушка терпеть не могла папу, а тот ее.

Когда родился Павел, императрица Елизавета Петровна отстранила Екатерину от воспитания сына и вырастила его «не так». Поэтому Екатерина никак не могла доверить Павлу воспитание его первенца, которому тоже когда-нибудь предстояло стать царем. И она, в свою очередь, отобрала внука у родителей и стала воспитывать сама. Она же, кстати, настояла на том, чтобы его называли Александром — в честь святого Александра Невского. До того монархов с таким именем на русском троне не было.

Под ее руководством Александра и его младшего брата Константина учили разным полезным вещам. Не бояться грома, пауков и мышей; не убивать бабочек и мух; не обманывать и не плакать; тан-

1. М. Шибанов. «Портрет Екатерины II в дорожном костюме»

2. Неизвестный художник. «Портрет цесаревича Александра Павловича в детстве»

3. С. Щукин. «Портрет Павла I»

цевать, фехтовать, ездить верхом; рано вставать и рано ложиться спать; много бывать на свежем воздухе; обязательно слушаться старших; ухаживать за домашними собачками и птичками и поливать цветы в горшках. Главное же достоинство воспитания детей должно, считала Екатерина, состоять «в любви к ближнему (не делай другому, чего не хочешь, чтоб тебе сделано было), в общем благоволении к роду человеческому, в доброжелательстве ко всем людям, в ласковом и снисходительном обращении со всеми...»

Одним из любимых занятий Екатерины было чтение книг французских философов. Они писали о справедливости, о любви к человечеству, о том, что закон — превыше всего, и о том, что люди должны быть равны и свободны. Чтобы внук не отставал от полета философской мысли, она пригласила к нему воспитателя, который читал те же книги, — швейцарца Фредерика Лагарпа. Лагарп и сам был философом. Он был умен, благороден и образован. Кроме того, взялся за работу чрезвычайно добросовестно. Только вот к тому, что царица рассматривала как хобби, он относился гораздо серьезнее. Он сочувствовал французской революции 1789 года (в ходе которой казнили короля и королеву) и считал, что власть монарха следует заменить властью народа, то есть республикой. Так, под влиянием Лагарпа, будущий самодержец вырос убежденным республиканцем, любящим человечество и мечтающим о свободе для своей стра-

ны — от крепостного рабства. «Дитя осьмнадцатого века», как написал Вяземский.

Александр очень привязался к своему воспитателю и впоследствии говорил, что своими лучшими качествами обязан ему.

Второй воспитатель Александра, граф Салтыков, владел наукой иного рода — наукой жизни при дворе. Он в совершенстве умел плести интриги, льстить, притворяться, знал, как надо себя вести в разных ситуациях и с разными людьми.

Конечно же, Александру преподавали и обычные «школьные» предметы.

Единственное, чему учителя будущего царя не уделяли достаточного внимания, это то, как на самом деле каждый день живет его страна.

Время от времени его отпускали к отцу в Гатчину. Там все было другое. Павел не читал философов и не поощрял разговоров о свободе. Его увлечением

была армия. Военная дисциплина, парады и маневры. Он разрешил сыновьям командовать небольшими военными подразделениями, и это очень нравилось Александру, хотя и усиливало двойственность его характера.

Будущий самодержец жил на два дома, но настоящего Дома у него не было; он рос всеобщим любимцем, но никто не гладил его по головке и не рассказывал сказки на сон грядущий. А поговорить о республике он мог только с Лагарпом, потом — с друзьями, но никак не в семье, которой, в сущности, тоже не было. Бабушка и отец, оба не терпели возражений и при этом ненавидели друг друга. Александр боялся обоих. Чтобы оставаться «хорошим» и для той, и для другого, ему приходилось приспособливаться.

Двоек за учебу ему не ставили, но число «два» стало как бы частью его судьбы.

Два воспитателя, два человека, от которых он зависел; дальше — больше: два обстоятельства, отягощавших его взрослую жизнь, и две главные государственные проблемы, которые он должен был решать, но не решил, и два помощника...

Екатерину II очень беспокоило, что престол унаследует нелюбимый сын, и она подумывала о том, как бы совершить на закате дней еще один небольшой переворот и передать трон прямо обожаемому внуку. Чтобы утвердить его как человека взрослого, она даже женила его, когда ему было всего 16 лет. Ей и в голову не приходило, что обожаемый внук вовсе не хочет становиться монархом.

Лагарпу, отосланному после женитьбы воспитанника обратно в Швейцарию, Александр писал: «Хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствия и охотно уступлю звание за ферму подле вашей или, по крайней мере, в окрестностях».

Помолвка на высшем уровне

Будущую жену Александра звали Луизой, и ее родным языком был немецкий. Екатерина II выписала невесту для внука из маркграфства Баден.

Когда барышня приехала в Россию, ей было всего тринадцать с половиной лет. О том, что она уезжает из дома насовсем, ей объявили только ближе к границе, и Луиза, очень привязанная к своему маленькому маркграфству и страшно напуганная тем, что ею станут командовать какой-то варвар, пыталась выскочить из кареты. Но за долгий путь она устала рыдать, и, подъезжая вместе с младшей сестрой к Петербургу, уже чувствовала, что наступает самый интересный момент ее жизни. Как только придворные воскликнули: «Вот мы и в Петербурге!», принцессы в темноте взялись за руки и всю дорогу до дворца сжимали от волнения друг другу пальцы.

Придворные дамы единодушно решили, что Луиза прелестна и очаровательна. А будущий жених долго обходил ее стороной. Но мало-помалу, раз уж они все равно оказались в одной компании, вместе играли, разгляды-

вали гравюры, Александр освоился и решился жениться. «Однажды вечером, когда мы рисовали вместе с остальным обществом за круглым столом в бриллиантовой комнате, — вспоминала Луиза, — великий князь Александр подвинул мне письмо с признанием в любви, которое он только что написал. Он говорил там, что, имея разрешение своих родителей сказать мне, что он меня любит, он спрашивает меня, желаю ли я принять его чувства и ответить на них и может ли он надеяться, что я буду счастливой, выйдя за него замуж.

Я ответила утвердительно, также на клочке бумаги, прибавляя, что я покоряюсь желанию, которое выразили мои родители, посылая меня сюда. С этого времени на

нас стали смотреть, как на жениха и невесту. Мне дали учителя русского языка и "Закона Божия".

Удивительно послушные были в то время дети!

Перед свадьбой невеста приняла православную веру и потому осталась в русской истории не как Луиза, а как Елизавета Алексеевна.

*Л. Виже-Лебрен
«Портрет великой княгини
Елизаветы Алексеевны»*

Грачи прилетели

Весна в 1801 году наступила стремительно: снег сошел уже в первых числах марта, и в Москве потеплело. Но окончательно москвичи уверовали в весну 15-го числа, в пятницу, за день до Вербного воскресенья, когда в Кремль примчались ее вестники. Только не с юга, а с севера, из Петербурга. И не грачи, а два генерала, небритых и покрытых грязью, но зато в орденах. И не на крыльях, а на телеге. Взойдя в Успенский собор, объявили они народу, что императора Павла I больше нет и теперь царствует Александр. В это время в Московском архиве коротал на службе время Филипп Вигель. Узнав новость от сослуживца (который ушел было пораньше, но подхватил весть и вернулся), он поспешил домой, разглядывая по до-

Ф. Алексеев
«Вид на Михайловский замок и площадь
Коннетабля в Петербурге»

роге прохожих. «Это одно из тех воспоминаний, — написал он много лет спустя, — которых время никогда истребить не может: немая, всеобщая радость, освещаемая ярким весенним солнцем».

Ни одному новому царю не радовались так, как Александру Павловичу.

Предыдущие четыре года страна прожила как на вулкане. Павел I был создан для жизни в средние века. Даже его любимый дворец, Михайловский, больше походил на феодальный замок, нежели на резиденцию монарха XIX столетия. Россию Павел рассматривал как обширное поместье, доставшееся в наследство, где все теперь надо переделать по-своему. Он вмешивался в быт придворных, даже указывал, в котором часу им надлежит обедать. Он был помешан на беспрекословном подчинении. Он был самым непредсказуемым самодержцем в династии Романовых. Его офицеры, отправляясь на службу, брали с собой запас денег, чтобы не остаться без копейки на случай внезапной ссылки.

Конечно, это никому не нравилось. Но главное, что средние века давно остались в прошлом. Павел не знал, что правитель, желающий развернуть государство вспять, не сможет долго оставаться у власти. Не знал, но очень боялся быть убитым заговорщиками, как некогда его отец, Петр III.

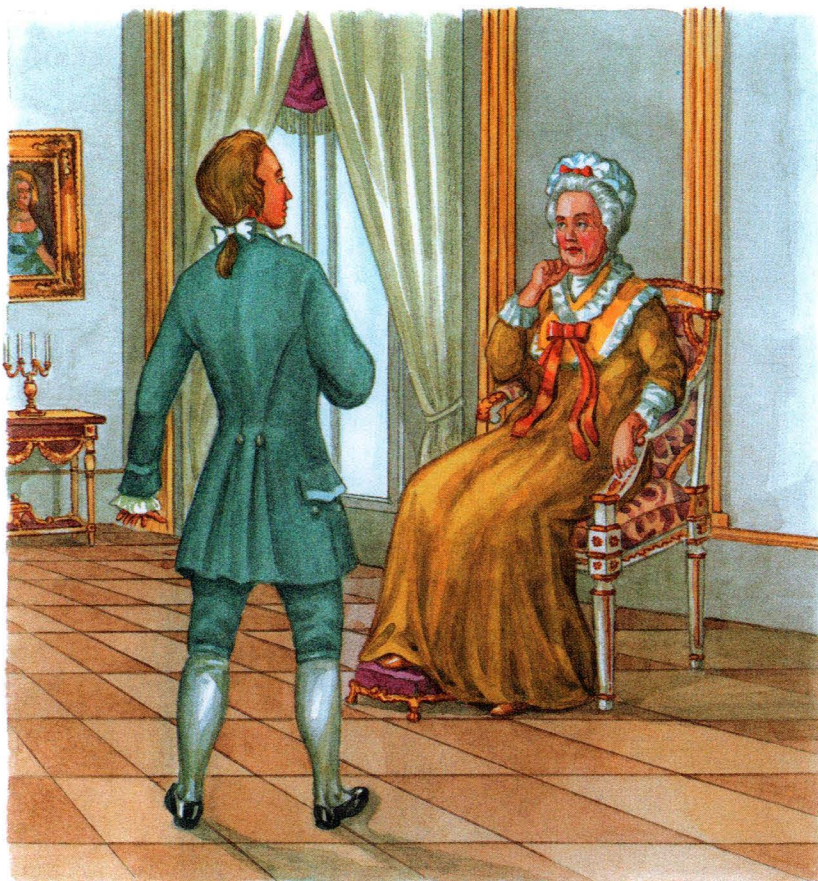
И заговор образовался.

Александр это было известно.

Когда Екатерина II предложила Александру занять трон в обход Павла, он в 19 лет в первый раз не послушался бабушки. Потому что, во-первых, Лагарп приучил его уважать Закон, который бабушка как раз и предлагала нарушить. А во-вторых, очень уж не хотелось быть царем. Впрочем, Александр прямо не возражал. Он ответил уклончиво, а сам рассказал обо всем отцу.

Но вот отец короновался, Александр превратился в наследника престола и обнаружил, что теперь уж от власти точно не уйти. Теперь можно было только сначала стать царем, а уж потом отречься. И, как нарочно, очередное предложение стать царем не заставило себя ждать. С ним к Александру обратился глава заговорщиков граф Пален. Александр опять ответил уклончиво, но на этот раз уже не пошел к батюшке с докладом. Ему тоже доставалось от Павла.

Случилось так, что в начале 1801 года император узнал о заговоре и о том, что в этом замешан его старший сын. Всем грозили кары, надо было что-то предпринимать, и Пален снова начал уговаривать Александра. Тот согласился и даже предложил, чтобы переворот перенесли с 10 на 11 марта, по-

тому что в этот день в карауле Михайловского замка, где жила вся царская семья, стоял его подшефный полк.

Заговорщики не стали церемониться с Павлом: свергнутого монарха задушили шарфом. И получилось, что Александр, воспитанный на идеях добра и справедливости, оказался во главе государства в результате преступления.

Он был не готов к такому повороту событий. Когда ему сообщили об убийстве, он впал в отчаяние: «Скажут, что я убийца. Мне обещали не посягать на его жизнь. Я самый несчастный человек в мире».

С того самого дня и в течение многих лет Александра постоянно преследовали два неприятнейших чувства. Чувство вины в смерти отца и в то же время страх перед новым заговором, теперь уже против него; страх за собственную жизнь.

Два актера

Кажется, что дети монарших особ от рождения приспособлены к жизни на троне. Но это не всегда так. Скажем, французский король Генрих III был прирожденным модельером, а Людовик XIII больше всего на свете любил варить варенье. Похоже, что подлинным призванием Александра I было актерское искусство. Каждому человеку приходится ежедневно выступать то в одной, то в другой роли, но лишь немногие делают это осознанно и с удовольствием. Александру Павловичу пришлось приспособивать свой дар к абсолютной власти и всю жизнь играть самодержца.

Внешняя сторона императорской роли давалась ему легко. Он держался величаво, но благожелательно, то есть именно так, как нравилось его подданным. Но роль царя включает в себе множество ролей, потому что обязанности его многообразны.

Вот, к примеру, война. Монарху очень нравилась зрелищная, театральная сторона военного дела — парады. В роли командующего парадом он всегда выглядел убедительно. Однако на поле боя от государя было больше вреда, чем пользы. Стоило ему взять на себя роль полководца, как армия терпела поражение. Так было в 1805 году при Аустерлице, когда он вместе с австрийским императором Францем настоял на генеральном сражении с Наполеоном. Поэтому, когда в 1812 году дело дошло до вторжения французского войска в пределы России и царь примчался в армию, приближенные подложили ему на столик незапечатанное письмо, в котором умоляли ехать в Москву. Монарх обиделся, но внял. Он и сам понимал, что таланта военачальника в числе его дарований нет, и жаловался иногда, что в юности его не отдали к великим полководцам Суворову или Румянцеву — учиться воевать.

Самодержец не чувствовал себя уверенно и тогда, когда был вынужден заниматься внутренними делами своей страны. «...У меня нет качеств, необходимых для того, чтобы исполнять, как бы я желал, должность, которую я занимаю», — признавался Александр накануне войны 1812 года. (Он всегда так сетовал в трудные моменты своей царской жизни). С другой стороны, мало какому актеру судьба предоставляла столько зрителей одновременно. И время от времени государю удавалось поразить всех подданных сразу каким-нибудь эффектным «спектаклем».

И все-таки существовало поле деятельности, где умение перевоплощаться необходимо, — дипломатия. Тут Александр был в своей стихии. Он лично общался с главами других государств и их министрами иностранных дел, устанавливал с ними неофициальные отношения: в непринужденной обстановке играть значительно легче. Именно на дипломатической стезе он и познакомился с другим талантливым актером — Наполеоном. Они столь во многом различались между собой, что соперничество между ними было неизбежным. В частной жизни они могли бы выступать в конкурирующих театрах; но возглавляли не труппы, империи, и потому столкнулись на тропе войны.

Александр жил на виду у всего государства просто в силу того, что родился в царской семье. Наполеон сам пробил себе путь к «сцене» и славе. Артиллерийский офицер из провинции, оказавшийся в Париже в пору Великой французской революции, сначала получил право распоряжаться по своему усмотрению всей страной — был избран диктатором, затем сумел добиться пожизненной власти, затем стал императором и стремительно подчинил себе почти всю Европу.

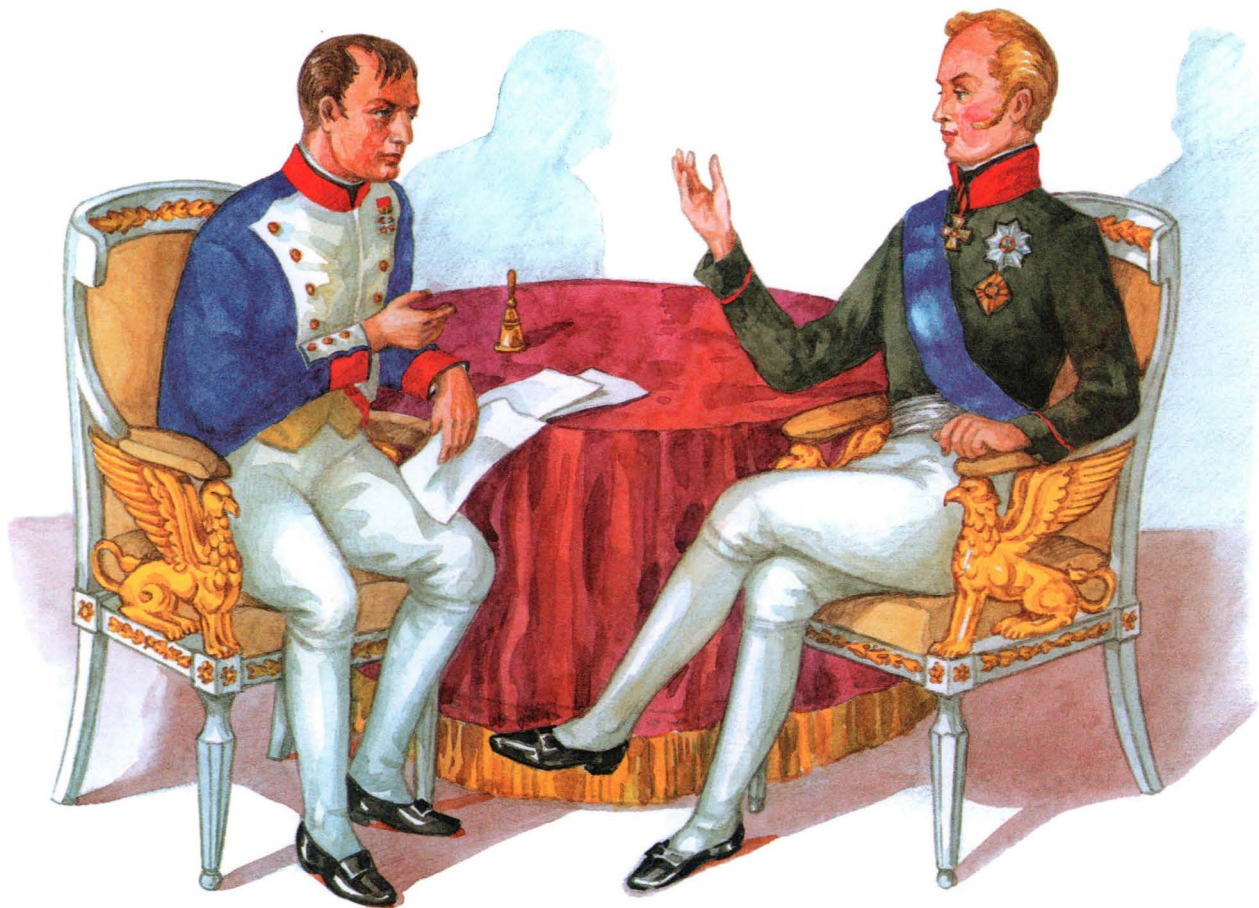
После Великой французской революции Россия традиционно придерживалась антифранцузской политики. Кроме того, Наполеон так по-хозяйски перекраивал Европу в свою пользу, что это наводило на тревожные мысли о собственном будущем. Поэтому Российская держава участвовала в антинаполеоновских военных коалициях, которые создавали страны Европы. Всякий раз Наполеон выходил победителем. Поражения в России принимали близко к сердцу и с каждым разом все больше ненавидели Наполеона. В Москве его обзывали Наполеоншкой. А к 1812 году в знаменитом полководце и вовсе стали подозревать антихриста.

После того как потерпела неудачу четвертая такая коалиция, Александр I и встретился с Бонапартом в городе

Тильзите, что на реке Неман, для подписания мирного договора.

«Они сошлись: коса и камень, стихи и проза, лед и пламень...» (Правда, Пушкин написал это не о Наполеоне с Александром, а про Онегина и Ленского.) А через год сошлись еще раз, уже в Эрфурте, чтобы этот договор продлить. Один, безродный, стремился к абсолютной власти; другому власть принадлежала по праву рождения, но он был бы не прочь от этого «счастья» отказаться. Наполеон был завоеватель и разрушитель, Александр — человек мирный. Русский царь был в себе не уверен, Наполеон мог все. Главная роль Бонапарта называлась «гений, побеждающий судьбу», Александра — «самодержец поневоле».

Наполеон играл роль любезного хозяина. Он льстил, он выписывал из Пари-

жа актеров, он дарил подарки. Он даже решил жениться на сестре русского царя Анне Павловне, но Александр принял эту идею без восторга. Конечно, Бонапарт лукавил: ему требовалось, чтобы Россия не отвлекала его от завоевания Испании, которое обещало стать нелегким делом. В то же время он предлагал такой мир, не нарушить который было невозможно. И потому держался с чувством некоторого превосходства: в конце концов, когда-нибудь он должен был завоевать и Россию.

Но он не мог понять, какую роль играет его приветливый гость.

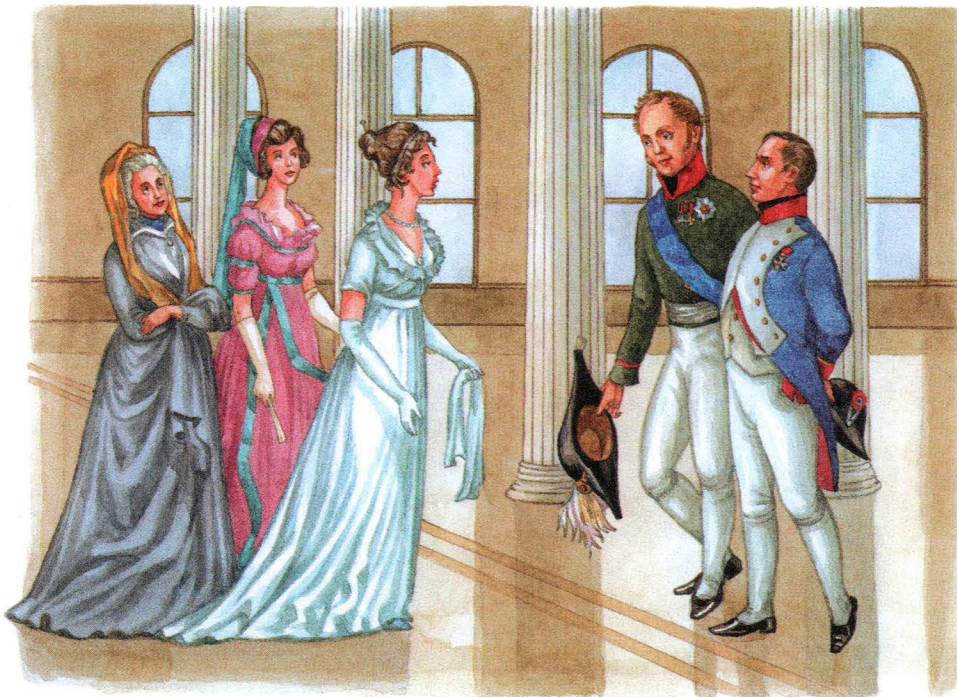
Два государя подолгу беседовали. «Война... вовсе не такое трудное искусство, как воображают, — кокетничал Бонапарт, — и поистине неизвестно иной раз, почему выиграно то или иное сражение. Побеждаешь потому, что позднее неприятеля устрашаешь, и в этом вся тайна».

Александр слушал и «мотал на ус». На всякий случай. Он осознал, что Наполеон велик, и изучал его. Он тоже понимал, что война будет.

Впоследствии Наполеон называл Александра «северным Тальма». Тальма был известным французским актером.

Александр называл Наполеона великим человеком.

Хотя из-за него Александра I дважды осудили соотечественники. Первый раз из-за того самого подписанного в Тильзите мира, не подписать который царь не мог, поскольку военные кампании вымотали армию и истощили каз-

ну. (Мир с этим исчадием революции? Да еще на таких невыгодных для России условиях? Позор царю, позор Отечеству! Император подпал под влияние Наполеона!) Второй раз — в 1812 году, когда Бонапарту отдали Москву.

Война 1812 года стала кульминацией в истории отношений двух коронованных лицедеев. Но к тому времени великий полководец, претендовавший на роль властелина мира, окончательно утратил чувство меры, а это несовместимо с настоящим искусством. К тому же он не был актером по призванию, а перевоплощался лишь ради власти. Так что музы отвернулись от него, отдав лучшую роль Александру — роль победителя.

И российский император эффектно въехал в покоренный Париж на серой лошади Эклипс, подаренной ему некогда Наполеоном, в сопровождении прусского короля и свиты из 1000 генералов. А Бонапарта заставили удовольствоваться ролью скромного владельца острова Эльбы без права выезда на материк.

Кто заманил Наполеона в снега?

Пытаясь осмыслить свое поражение, Наполеон, привыкший свои военные кампании проводить стремительно, утверждал, что русское командование хитростью заманило его армию в глубь России, чтобы она голодала и мерзла, теряла лошадей и в конце концов утратила боеспособность. Он был проницательным человеком.

В России не только понимали, что война с Наполеоном неизбежна, но и знали, как французское войско к ней готовится и когда примерно перейдет границу. И тоже готовились. Тогдашний военный министр Михаил Барклай-де-Толли поделился с монархом своими соображениями. Поскольку Бонапарт неизменно выигрывает все крупные сражения, их надо оттягивать как можно дольше, отступая хоть до самой Волги, чтобы истощить и расстроить его армию, чтобы заставить ее вкусить все «преlestи» северного климата. А уж потом дать бой. В войну, таким образом, вовлекалась не только армия, а вся страна; война мыслилась как народная, Отечественная.

И государь согласился с этим планом. Правда, страна об этом не знала.

Уехав от войска в начале отступления, царь не назначил главнокомандующего, а самой крупной из трех русских армий командовал как раз автор проекта, Барклай-де-Толли, к тому же военный министр. На его голову и обрушился всеобщий гнев по поводу отступления.

«Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки?»

А монарх тем временем назначил главнокомандующим Кутузова, потому что всем того хотелось. Кутузов имел славу мудрого человека и любимца солдат. Он придерживался той же тактики, что и Барклай, но его уже никто не ругал: все смирились с необходимостью отступать.

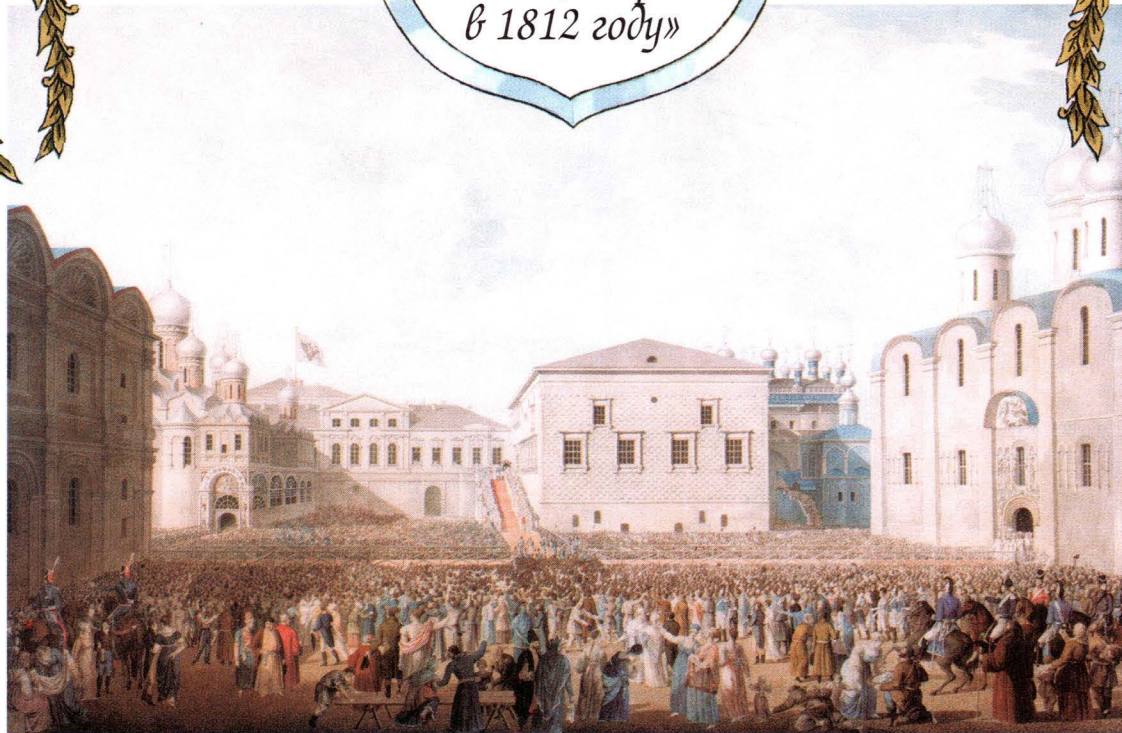
Ни в чем не повинный Барклай-де-Толли очень переживал и во время Бородинского сражения нарочно стремился в самую гущу боя, рассчитывая пасть смертью храбрых. Но вместо него убили трех его лошадей. Сам же он впоследствии возглавил погоню за Наполеоном в Европе, привел русское войско к Парижу и был — в качестве «компенсации» за перенесенные страдания — пожалован царем в фельдмаршалы.

Неизвестный художник
«М.Б. Барклай-де-Толли»

Кино
«Александр I
в 1812 году»

И. Лавров

«Торжественный выход императора Александра I в Кремле»

Пик «театральности» в жизни самодержца пришелся на 1812 год. Это напоминает сценарий, уже готовый для того, чтобы снимать фильм. Некоторые сцены монарх придумал сам, а некоторые его заставила сыграть судьба.

Вот Александр I подъезжает к Москве — в сумерках, чтобы никто не видел, как он отступает из своей отступающей армии, украдкой от подданных, ибо не ждет от них рукоплесканий: он не только не освободил их покамест от крепостной зависимости, но теперь еще и не может защитить от врага. Вдруг у обочины вспыхивают огоньки: люди, узнав о приезде царя, вышли к дороге

с церковными свечами и пением молитв. Потому что царь — наместник Бога на земле, и они в него верят.

Вот монарх в Кремле, под звон колоколов шествует с народом к Успенскому собору, как некогда Дмитрий Донской перед войной с татарами.

Вот Николай Греч, учитель словесности в Петербурге и начинающий литератор, получает от брата из действующей армии письмо, написанное накануне боя за Смоленск: «Умру — но умру как истинный сын Отечества!» (Смоленск был сдан.)

Вот утро перед Бородинским сражением. Рассвет еще не наступил. Наполеон, хму-

рый, страдающий насморком, выходит из палатки и направляется на командный пункт. Он простыл накануне на холодном ветру, осматривая русские позиции, и всю ночь не мог уснуть. Наконец появляется солнце, и полководец восклицает: «Вот оно — солнце Аустерлица!» На этот раз он не разыгрывает эффектной сцены: больному императору хочется тепла.

Вот Александр в Петербурге. Он узнает, что Москва уже пять дней как сдана французам. Потрясенный до глубины души, он проводит бессонную ночь над картой России.

Вот день его коронации — праздник, который принято торжественно отмечать. Царь едет с женой и матерью по улицам Петербурга среди несметной толпы народа. Ни единого приветственного возгласа не раздается в этой толпе, и, пока Александр идет от кареты к Казанскому собору, он слышит каждый свой шаг.

Вот Николай Греч передает через покровителей прошение государю: он хочет издавать журнал, который мог бы свободно выражать все, что волнует русских в эти дни. Греч решил на-

В. Верещагин
«Наполеон I на Бородинских высотах»

В. Верещагин
«Конец Бородинского боя»

звать его «Сын Отечества». Царь изъясляет согласие и жалует на первые расходы 1000 рублей.

Вот Александр, назло всем, кто им недоволен, один, без охраны, гуляет в дворцовом парке на Каменном острове. Он под черкнуто спокоен.

Вот царь признается другу юности Голи-

цыну, что на душе у него тяжело. Голицын, который только недавно по-настоящему уверовал в Бога, советует ему обратиться к Библии. Этой книги у царя нет. Императрица Елизавета Алексеевна отдает ему свою. Монарх читает и подчеркивает карандашом те места, которые, как ему кажется, про него.

Вот Наполеон в разрушенной пожаром Москве. В ожидании послов от «брата Александра» с предложением мира он изъявляет желание посмотреть пьесу. Маршалы чудом разыскивают среди руин голодных и нищих французских актеров, одетых в драные театральные костюмы. Им выдают «реквизит» — дорогие ткани, шубы — из сокровищниц Кремля.

Вот приходит известие о том, что французская армия оставила Москву. В Петербурге из Петропавловской крепости раздаются пушечные выстрелы. Фрейлина императрицы Роксана Стурдза рыдает от счастья у окна Каменноостровского дворца.

Вот чай в покоях императрицы. — Как, государь? — восклицает Роксана. — Разве мы не

обеспечены теперь от всякого нового нашествия?»

И сияющий Александр отвечает ей:

— Это возможно, но если хотеть мира прочного и надежного, то

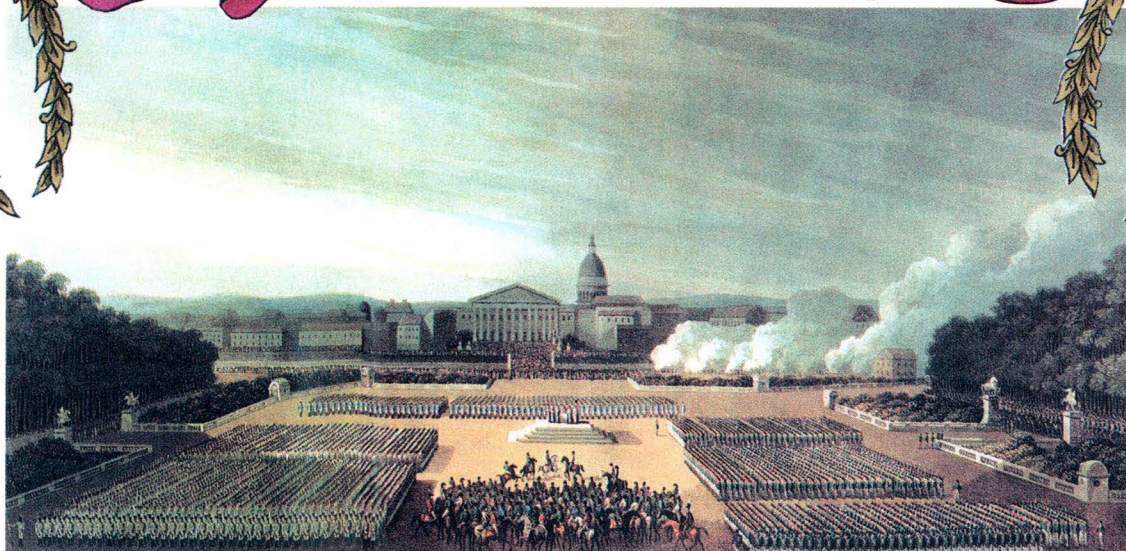

А. Соколов, А. Семенов
«Русская армия и жители оставляют Москву»

А. Адам
«Наполеон в горящей Москве»

*Неизвестный художник по рисунку Моро
«Церемония богослужения в честь союзных армий на площади Людовика XV в Париже
10 апреля 1814 года»*

надо подписать его в Париже, в этом я глубоко уверен.

Вот Пасхальное воскресенье в Париже. Русское войско, недавно взявшее город, молится на площади, где французы казнили своего короля во время революции 1789 года. Вместе с ними молятся французские генералы. Александр I плачет.

Монарх многое пережил за эту войну, но был вознагражден сторицей. Народ, благодарный за освобождение от французов, стал называть его Александром Благословенным. Европа, также освобожденная и возвращенная к мирной жизни, стала величать его королем королей. Теперь он сам, как прежде Наполеон, мог переделывать географическую карту. И Александр добился, во-первых, присоединения к России Польши, а во-вторых, заключения союза между европейскими монархами во имя защиты Европы от новых потрясений: всяких революций, Наполеонов и войн. Не без влияния того обстоятельства, что с 1812 года самодержец стал все чаще мыслями обращаться к Богу, союз называли Священным.

*Неизвестный художник
«Капитуляция Парижа»*

Ф. Крюгер
«Александр I на лошади Эклипс, подаренной ему Наполеоном I в 1808 году, въезжающий в побежденный Париж в 1814 году»

Замечательные чудаки и оригиналы

Александр Павловичу больше не надо было угождать бабушке и приспосабливаться к отцу. Он остался один на троне — первый в российской истории Александр. Но взамен перед ним тотчас же оказались две главные и неотложные государственные проблемы: наличие крепостного права и полный беспорядок в законах. Император и прежде, при бабушке с отцом, часто рассуждал с друзьями о том, как ужасны эти проблемы и что можно было бы предпринять. Теперь же, мучаясь по поводу истории с возведением на престол, он твердо решил, что искупит вину, сделав свой народ счастливым. Он даже знал как: крепостное право надо отменить

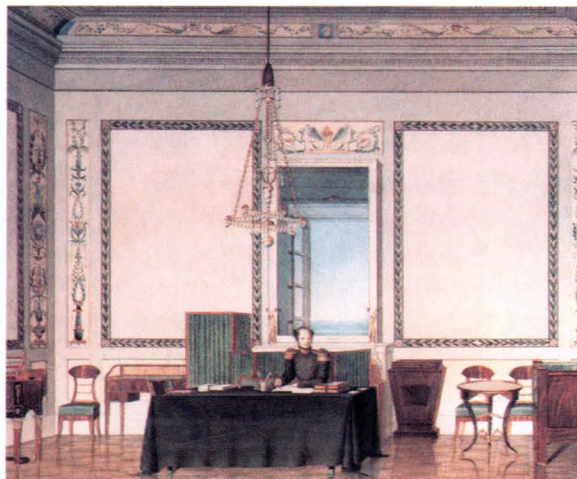
и ввести в стране конституцию — то есть основной закон. Для царя это была позиция смелая и новая: до сих пор монархи предпочитали править как им заблагорассудится, не ограничивая свою власть конституцией.

Осчастливив страну, император надеялся отречься от престола и зажить как все люди. И чтоб благодарная Россия проводила его на заслуженный отдых. Но этот момент все отодвигался и отодвигался, потому как время шло, а проблемы оставались.

Он все же выбрал себе двух главных помощников для решения двух главных задач. Аракчеева — для облегчения отмены крепостного права, Сперанского — чтобы разобраться с законами.

XIX век изобилует колоритными персонажами, что дало повод М.И. Пыляеву написать свою знаменитую книгу «Замечательные чудаки и оригиналы». (Замечательные не в том смысле, что прекрасные, а в том, что о них стоит рассказать.) Но личности, которых император в разное время приближал к своей особе (не только Аракчеев со Сперанским), судьбами своими и характерами поражали воображение даже видавших виды современников.

А. Черник
«Александр I в дворцовом кабинете»

Тайна изгнания

Между воцарением Александра и победой над Наполеоном только одно событие вызвало в обществе ликование, почти что равное по силе: отставка Сперанского незадолго до начала войны 1812 года.

Возвышение его было стремительным. Как писал Вигель, «из дыячков перешагнул он через простое дворянство и лез прямо в знатные». Но сам Сперанский простым себя и не считал, а считал особенным.

В отличие от Александра, он вовсе не был актером. Он был человек-компьютер. Если заложить в него программу и поставить перед ним задачу, он мог, детально, беспристрастно и трудолюбиво все просчитав, выдать наиболее разумное решение. Царь так и поступил. Меньше чем через год Сперанский, изучив материалы, представленные царем, и добавок все существующие в мире конституции, принес самодержцу проект под названием «Введение к уложению государственных законов».

Проект оставлял за монархом всю полноту власти, но предусматривал создание Государственной Думы и Государственного Совета. Законы разрабатывала Дума, обсуждал Государственный Совет, утверждал

император, исполняли министерства; а карал за их нарушение Сенат. Царь назначал министров и членов Государственного Совета и мог распустить Думу. Местные думы и суды создавались путем выборов — ничего подобного в стране прежде не было. Александру проект понравился. Они со Сперанским верили, что если принять правильный закон, то действительность изменится сама собой.

Действительность же заключалась в том, что все, кроме государя, терпеть не могли Сперанского. Дворяне чувствовали, что в его кабинете затеваются новые порядки, которые все перевернут вверх дном, и, быть может, даже готовится отмена крепостного права.

Удивлялись, для чего царю

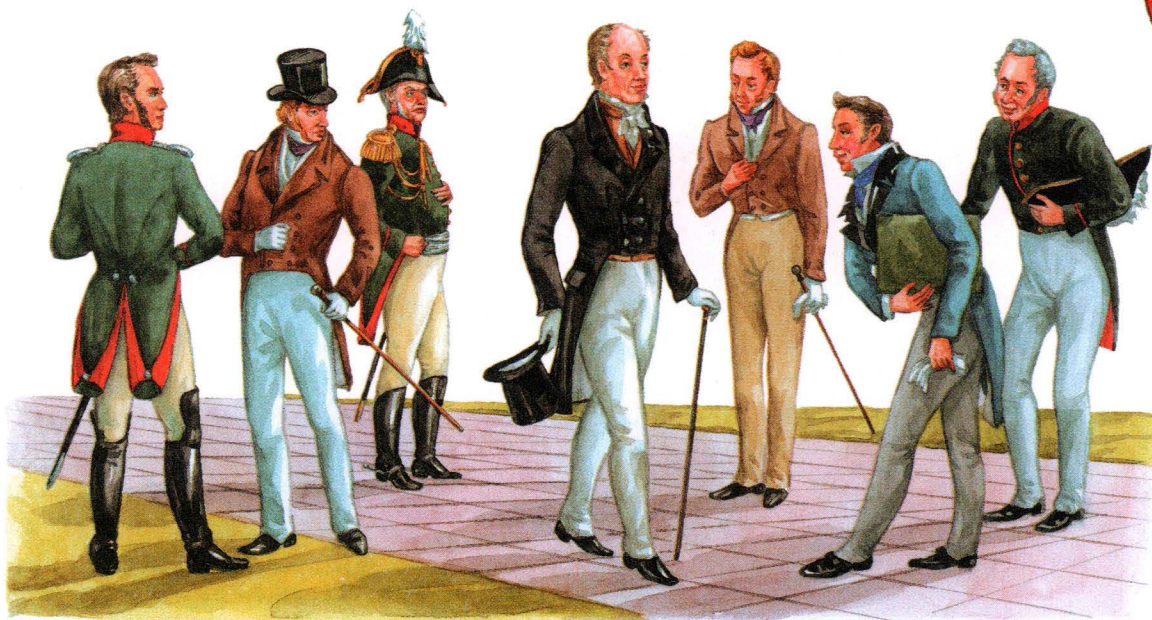
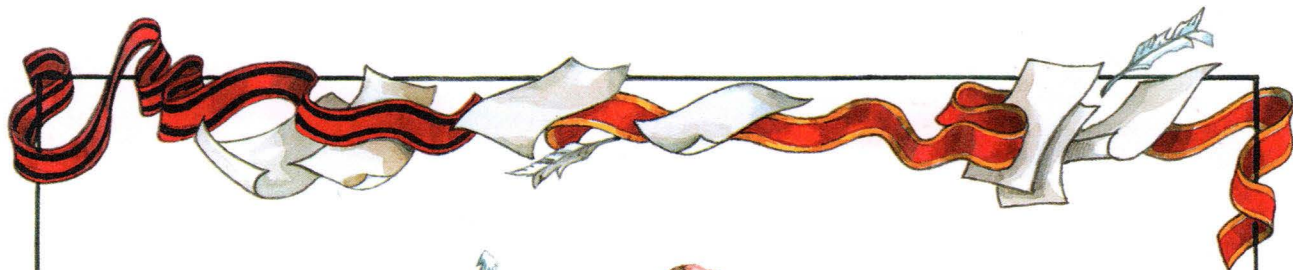
этот республиканец (которым Сперанский не был), не подозревая о том, что он лишь добросовестно прорабатывал давние идеи монарха, который благополучно оставался в тени.

Особенно возмутил дворян разработанный Сперанским указ об экзаменах на чин (его успели утвердить). В России было много молодых дворян, которые продвигались в чинах благодаря покровительству родственников и друзей семейств. Существовали и такие, которые только чис-

М. Сперанский

лились при каком-нибудь министерстве, но не ходили на службу, не желая тратить время на нудную канцелярскую работу (так, между прочим, Пушкин числился при министерстве иностранных дел). Согласно указу, для получения чинов статского советника и коллежского асессора требовалось предъявить университетский диплом или сдать экзамен в объеме университетского курса. Указ сочли жестоким и несправедливым.

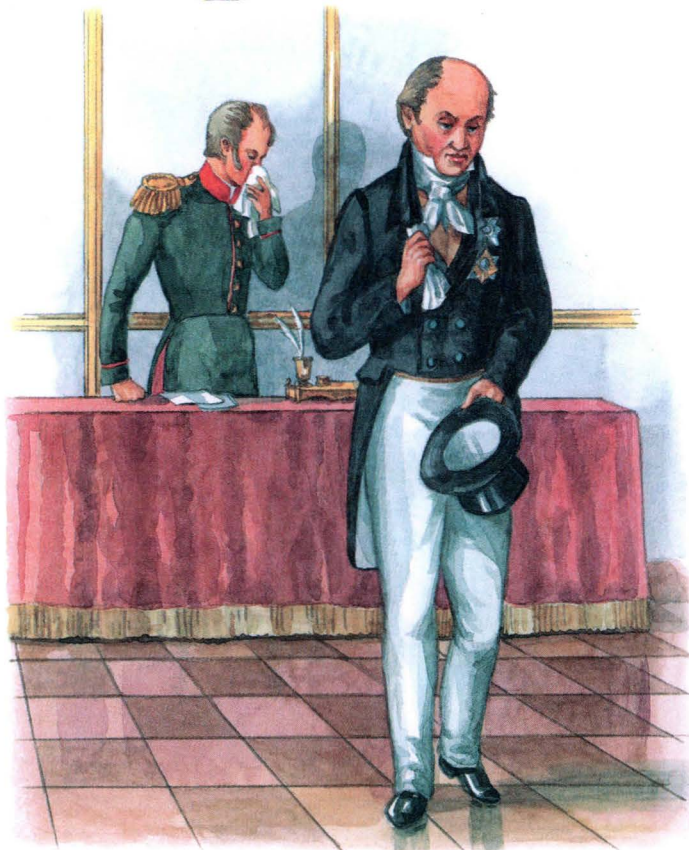
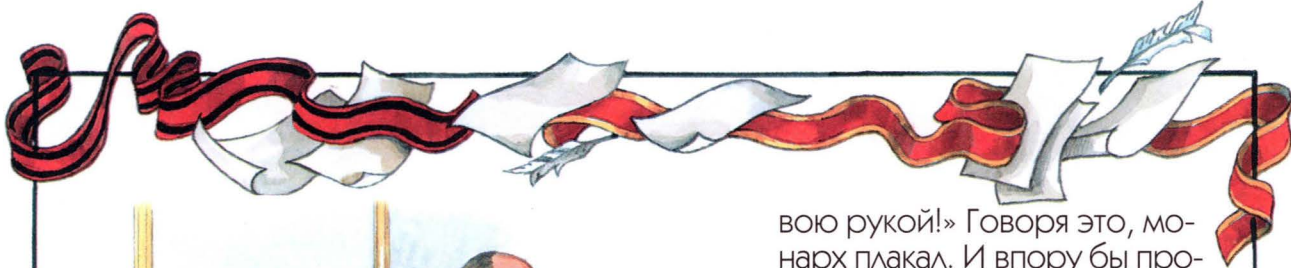
Когда Александр стал получать доносы на Сперанского, он понял, что из проекта ничего не выйдет. Царь не стал защищать своего помощника (иначе все немедленно разлюбили бы его самого), а простился с ним (а заодно и с проектом).

Александр имел возможность удалить предмет всеобщей ненависти

тихо-мирно: Сперанский догадывался, к чему идет дело, и сам просился в отставку. Но самодержец выбрал эффектную развязку. Он не отпустил помощника и продержал при себе еще год. Недовольство росло, доносы копились. Потом, в марте 1812 года, Сперанский был вызван к монарху для беседы, через час вышел в слезах и был тотчас отправлен в ссылку. Он не владел актерским искусством — и получил незавидную роль козла отпущения. Все бурно торжествовали; удивлялись только, почему государь не велел этого преступника казнить?

Но спектакль продолжался. На следующий день император принял одного из главных недругов Сперанского и сказал: «Я Сперанского возвел, приблизил к себе, имел к нему неограниченное доверие и вынужден был

его выслать. Я плакал!..Те, которые вчера утром ловили еще его улыбку, те нынче меня поздравляют и радуются его высылке». Тут он взял со стола книгу, швырнул ее опять на стол и произнес: «О, подлецы! Вот кто окружает нас, несчастных государей».

В тот же день монарха навел к князь Голицын, его доверенное лицо. Заметив, что Александр мрачен, он поинтересовался его самочувствием и услышал в ответ: «Если б у тебя отсекли руку, ты, верно, кричал бы и жаловался, что тебе больно... У меня прошлой ночью отняли Сперанского, а он был моею пра-

вою рукой!» Говоря это, монарх плакал. И впору бы прослезиться вместе с ним, но вечером того же дня он вызвал во дворец еще одного хорошего своего знакомого, директора университета в Дерпте (нынешнем Тарту, в Эстонии), который проездом оказался в Петербурге.

И опять государь завел речь о Сперанском, и снова со слезами, но на сей раз это были слезы гнева: он поведал потрясенному директору об измене Сперанского, привел все доказательства, обвинил в неблагодарности и в заключение сказал: «Я решил завтра же расстрелять его и, желая знать ваше мнение по поводу этого, пригласил вас к себе». Опальный в это время был уже на пути к мес-

ту ссылки, но директор этого не знал. Он вымолил себе время на размышление, а наутро написал царю письмо, в котором старался смягчить его гнев. И получил великодушный ответ. Однако известно, что за глаза монарх отзывался о директоре так: «Эти ученые все видят косо...»

Конечно, Александру было прекрасно известно, что Сперанский никакой не преступник. Лучше всего это доказывает то, что через некоторое время ссыльный получил место пермского генерал-губернатора, а потом и вообще был, к всеобщему удивлению, возвращен в столицу.

«Скажи мне, кто твой друг...»

Если выбор царем Сперанского явился следствием обучения у Лагарпа, то Аракчеев был выходцем из Гатчины времен Павла I.

Александр Сергеевич Пушкин не удержался от эпиграммы на Аракчеева, хотя и многим рисковал:

*... А царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? «Преданный без лести»
<— — —> грошевой солдат.*

Рисковал он потому, что Аракчеев был человеком могущественным и считался другом царя. О том, что они с монархом держались накоротке, свидетельствуют записки Аракчеева, где автор говорит о себе в третьем лице: «Июня с 7-го на 8-е число, 1810 года, что было с понедельника на вторник, Государь Император Александр I, возвращаясь из Твери, нарочно изволил заезжать в Грузино, посетить графа Аракчеева; прибыв ночью во 2-м часу, изволил лечь почивать, а поутру 8-го числа, в 9 часов, одевшись, изволил посещать церковь и гулять по всему саду и селению до 11-ти часов... Пробыл до 7-ми часов вечера и потом изволил отправиться в Санкт-Петербург, и был чрезвычайно весел и доволен».

Государь был доволен и весел. Почему же великий поэт проявил такую строгость по отношению к графу? Будем придерживаться порядка, как Аракчеев в своих записках.

В детстве Аракчеева отдали в артиллерийский кадетский корпус, где из него вырастили артиллерийского офицера. Рота, в которую попал свежее испеченный офицер, была подарена Павлу, тогда еще не императору, а наследнику престола, в качестве военной «игрушки». Так

Аракчеев оказался в Гатчине и начал свой путь к славе. Он отличался тем, что любил начальников, считая, что, если с ними правильно обращаться, взамен можно получить разные блага. «Употребляя с пользою данную ему от природы суровость, он давал ей вид какой-то откровенности и казался бульдогом, который, не смея никогда ласкаться к господину, всегда готов напасть и загрызть тех, кои бы

воспротивились его воле. Таким образом приобрел он особую доверенность Павла I».

Став императором, Павел несколько раз то возвышал Аракчеева, то ссылал. В числе первых монарших милостей были генеральский чин и должность коменданта Пе-

Неизвестный художник
«Портрет А.А. Аракчеева»

тербурга. Дарованная власть вызвала заметные странности в поведении Аракчеева. Подчиненных ему офицеров он поносил последними словами, младшие чины охаживал дубинкой, а с солдатами поступал и вовсе дико: одного укусил за нос, у другого вырвал ус. Узнав об этом, царь в минуту просветления отправил генерала отдохнуть в деревню, но вскоре призвал опять.

Когда Павел пожаловал ему графский титул, Аракчеев получил право избрать себе девиз. Он придумал такой: «Без лести предан». Девиз этот был всем известен, так что по словам: «преданный без лести» — героя пушкинской эпиграммы немедленно узнавали без всяких пояснений.

Заодно с титулом Аракчеев получил две тысячи душ крепостных крестьян и имение Грузино, то самое, где его навещал Александр. Когда заговорщики расправлялись с Павлом, Аракчеев в очередной раз возвращался оттуда из ссылки. Он не застал в живых своего благодетеля, но сразу же обзавелся новым.

Александр I, правда, знал, что Аракчеев по поручению Павла за ним шпионил. Зато ценил то, что граф не имел отношения к заговору. И еще — верил в «преданность без лести». «...Вы, твердившие мне столь часто, что, кроме привязанности вашей к Отечеству, личная любовь ко мне вам служит побуждением...», — обращался монарх к Аракчееву в одном из писем. Граф тоже

оказался актером. Причем постоянно работал над ролью, сочиняя иной раз эффектные жесты: например, в один прекрасный день отказался от поста военного министра, дабы показать, что не гонится за чинами.

Игра получилась столь убедительной, что граф, имевший в обществе дурную репутацию, при новом самодержцѣ приобрел не только еще большую власть, но и дружбу царя, который запросто приезжал к нему в Грузино.

Не об Аракчееве ли думал Гоголь, восклицая: «Какой русский не любит быстрой езды!» Он носился между Грузиным и Петербургом, преодолевая 194,4 км за 8 часов, что по тем временам было скоростью необыкновенной. За всю свою жизнь он наездил между этими двумя населенными пунктами около 144 тысяч км. Это был рекорд, который мог бы украсить Книгу рекордов Гиннесса, если бы она существовала в XIX веке. Но, поскольку ее не было, Аракчеев попал в книгу Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы».

Хозяйство у себя в имении он тоже вел оригинально. У него была страсть все выравнивать и упорядочивать. Улицы в деревнях вытягивались в прямые линии; и если новая трасса упиралась в церковь или кладбище, церковь сносили, а могилы ровняли с землей. Если уж без поворота было не обойтись, то ему надлежало идти под прямым углом. Деревья в саду, вдоль дорог и в деревнях стригли по мерке, заданной Аракчеевым.

И жизнь своих крестьян он лично расписал подробнейшим образом. Всюду были у него шпионы, доносившие ежедневно о жизни каждой крестьянской семьи. Если Аракчеев принимал решение, то не терпел никаких отлагательств в исполнении, даже стихии были ему не указ: случалось, что новые дороги в его владениях прокладывали под холодным осенним дождем, а канавы копали в морозы.

Зато царь, бывая в гостях у графа, видел своеобразный порядок, которого никак не мог навести у себя в государстве. И Грузино послужило образцом уже для его собственного оригинального нововведения, порученного заботам Аракчеева, — военных поселений.

Новшество выглядело так. В 1810 году полк солдат поселили в Могилевской губернии, чтобы они вели там крестьянское хозяйство и одновременно несли военную службу, составляя как бы резерв действующей армии. Крестьяне, но с военной дисциплиной. Тех же людей, которые жили на этой земле прежде, выселили на целину, под Новороссийск. В тот раз земледельцы из солдат вышли неудачные. Они были не в состоянии себя прокормить, и в войну 1812 года их отправили воевать.

Однако, разбив Наполеона, царь вернулся к этой идее. Теперь эксперимент развернулся на больших пространствах — в Белоруссии, на Украине, под Новгородом. На положение поселян переводили, с одной стороны, крестьян

галось явиться с докладом.

На военные поселения государство отпускало немалые деньги (из которых Аракчеев кое-что выкраивал и для себя). Александр не забывал спрашивать у друга о том, как идут дела. Друг докладывал, что все тихо-мирно. Однако почему-то поселяне время от времени начинали бунтовать. Усмиряя недовольных опять же Аракчеев, которому было предоставлено полное право распоряжаться в военных поселениях от лица государя. Придумывая наказания бунтовщикам, он не знал удержу. Например, восставшим военным поселенцам в Чугуеве он предписал по 12 тысяч ударов прутьями из лозы — шпицрутенами.

и казаков, с другой, солдат регулярных войск. Скоро численность поселенцев измерялась десятками тысяч. Аракчеев позаботился об их жизни. Улицы в военных поселениях были прямые, как в Грузии, дома строились одинаковые. Поселяне по команде вставали, топили печь, выходили на работу. Потрудившись в поле, они отправлялись маршировать, а потом обязаны были мыть свои избы и мести улицу. Вся жизнь военного поселянина протекала на виду у начальства. Если его курица сносила яйцо, ему пола-

тьями из лозы — шпицрутенами.

Современники никак не могли взять в толк, для чего нужны военные поселения внутри государства и от каких врагов они призваны его защищать. Может быть, государь опасается новых революций в европейских странах и для того решил сохранить огромную армию, необходимую разве что в случае общей войны?

Поскольку могущество Аракчеева все возрастало и со временем он сделался единственным человеком, который доклады-

вал царю о положении дел в стране по всем вопросам, склонны были во всем обвинять его. Неудивительно, что граф очень боялся быть отравленным, и оттого за обедом каждое блюдо, и даже кофе, давал сначала попробовать своему псу Жучку. После Жучка у Аракчеева была Дианка. Пережив своих любимцев, хозяин установил им памятники у себя в саду — они были с мраморными плитами, чугунными изображениями и подписями: «Верному Жучку» и «Милой Дианке».

Поскольку монарх всегда опасался беспорядков, то именно Аракчееву, самому жестокому блюстителю порядка в стране, он поручил в 1818 году подготовить проект крестьянской реформы, то есть отмены крепостного права. Граф выполнил задание, но тут на юге Европы начались революции, а дома Александру как раз донесли о существовании тайного общества. И самодержцу пришлось проститься с прекрасными планами.

Как бы ни был талантлив Александр I, Аракчеев его «переиграл». В 1825 году, умирая в Таганроге, царь доверчиво ждал, что тот приедет повидаться. «Друг и брат» отказался, ссы-

лаясь на домашние обстоятельства. Он был предан начальнику, а какой начальник из безнадежно больного человека?

Зато, когда монарха не стало, Аракчеев приехал в Петербург, чтобы дать спектакль для его матушки, императрицы Марии Федоровны: явившись во дворец, распростерся у ее ног. Он надеялся, что преемник Александра тоже утвердит его на роль «без лести преданного». Зрительница была растрогана, однако новый император, Николай I, аракчеевского искусства поощрять не стал и со временем потихоньку выпроводил графа из страны.

Фотий и бесы

«Трудно изобразить состояние, в котором находился Петербург в последние годы царствования императора Александра, — вспоминал Вигель. — Он был подернут каким-то нравственным туманом; мрачные взоры Александра, более печальные, чем суровые, отражались на его жителях... Говорили многие: «Чего ему надобно? Он стоит на высоте могущества». Монарху, между тем, было от чего печалиться. Он по-прежнему переживал свою причастность к убийству отца, по-прежнему сам боялся быть убитым, а кроме того, понял, что сделать страну счастливой, подарив ей свободу от крепостного рабства и конституцию, ему не удастся. От этой неприятной ситуации царь пытался убежать: и в прямом смысле — уехать, и мысленно. С одной стороны, он стал придумывать себе частые поездки по стране, с другой — погрузился в религию. По свидетельствам его врачей, он даже натер себе мозоли на коленях от долгих коленопреклоненных молитв. Государевы размышления о божественном кто-то должен был направлять.

Монах Фотий

И во дворце появился еще один оригинальный персонаж — новгородский монах Фотий.

Фотий, как и Аракчеев, написал потом свою автобиографию, и тоже в третьем лице. Из нее следует, что театры он считал «бесовскими служениями», и особенно не любил недавно выстроенный Большой театр в Москве из-за того, что тот стоял вблизи кремлевских соборов. Но как Александр не был театралом, а актером был, так и Фотий, ругая театры, обставил свой первый визит к царю вполне театрально.

Еще до встречи с царем Фотий видел бесов, несмотря на то что строго постился и носил вериги, то есть цепи. О бесах он подробно рассказал в своей автобиографии: «...Увидел явно четырех бесов, человекообразных, пришедших, безобразных в сером виде, не великих по виду, и говорят они между собою: «Сей есть враг наш! Схватим его и будем бить».

Время от времени Фотий выезжал из своего монастыря и видел, что за его стенами нечисти гораздо больше. Будучи, как и Аракчеев, человеком малооб-

борьбе следовало привлечь царя. И нашлись покровители, которые сумели заинтересовать его величество видениями новгородского монаха.

Очутившись в комнате, где ждал его монарх, Фотий стал озиаться в поисках иконы, трижды осенил себя крестным знаменем и потом уже перекрестил самодержца. Предложенный ему стул он перекрестил тоже. И грозно заговорил о том, что толпы тайных врагов христианской веры окружают трон. Это произвело на Александра сильное впечатление. На протяжении всей встречи он целовал Фотию руку, стоял на коленях, крестился и просил его благословить.

Вскоре Фотия назначили настоятелем Новгородского Юрьевского монастыря. К тому же не без его влияния государь сместил одного министра и издал несколько указов. Нельзя, однако, сказать, что это знакомство послужило к обоюдной пользе. Фотиевы бесы, возможно, и отступили из уважения к его повышению по службе. А тайные враги Александра не имели отношения к нечистой силе: они были обычными людьми и отступать вовсе не собирались.

разованным, Фотий видел «бесовское служение» не только в театрах, но во всем, что не имело отношения к церкви: в садовых статуях, изображающих обнаженных древнегреческих божеств, в образовании, и даже в переводе Библии на русский язык с церковнославянского, предпринятом в те годы.

Так Фотий пришел к выводу, что с бесами надо бороться на государственном уровне. К этой

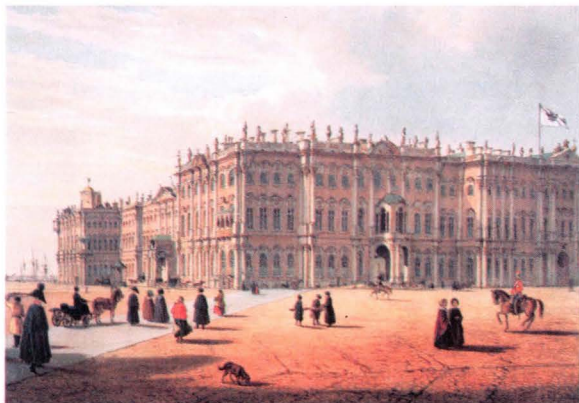
Содержание императора в домашних условиях

Однажды во время войны с Наполеоном Александр заявил: «...Я лучше соглашусь питаться одним картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего Отечества...» Во время его многочисленных поездок случались авральные ситуации, когда повара не могли предложить царю ничего, кроме того самого картофеля. Тем не менее прокормить монарха было совсем не трудно. Сохранился дневник императрицы Елизаветы Алексеевны, из которого следует, что на закате жизни самодержец ел самый обыкновенный крупяной суп.

Император вообще смиренно относился к бытовым трудностям. Как-то раз на обратном пути из Финляндии в Петербург ему пришлось часть дороги идти пешком и вести свою лошадь под уздцы.

С годами запросы Александра I становились все скромнее. Сменив на троне Павла, он переехал из Михайловского замка в роскошный Зимний дворец, в мир своей бабки Екатерины, но только для того, чтобы дать всем понять, что собирается править в ее духе, а не в духе отца. Любимой же его резиденцией долгие годы был летний дворец на

Ф. Перро
«Зимний дворец»

С. Щедрин
«Вид на Каменноостровский дворец и плашкоутный мост через большую Невку со стороны Строгановской набережной»

Каменном острове, простой архитектуры и отделки, с небольшими комнатами. Современники не находили в нем ничего царственного. Дворцовый фасад смотрел в регулярный парк, вход в который не запирался, и местные жители могли прогуливаться, прямо как император. Ступеньки дома украшали цветы, а вовсе не дворцовая стража, так что проникнуть в царское жилище ничего не стоило. Сам монарх бродил по аллеям, никем не охраняемый.

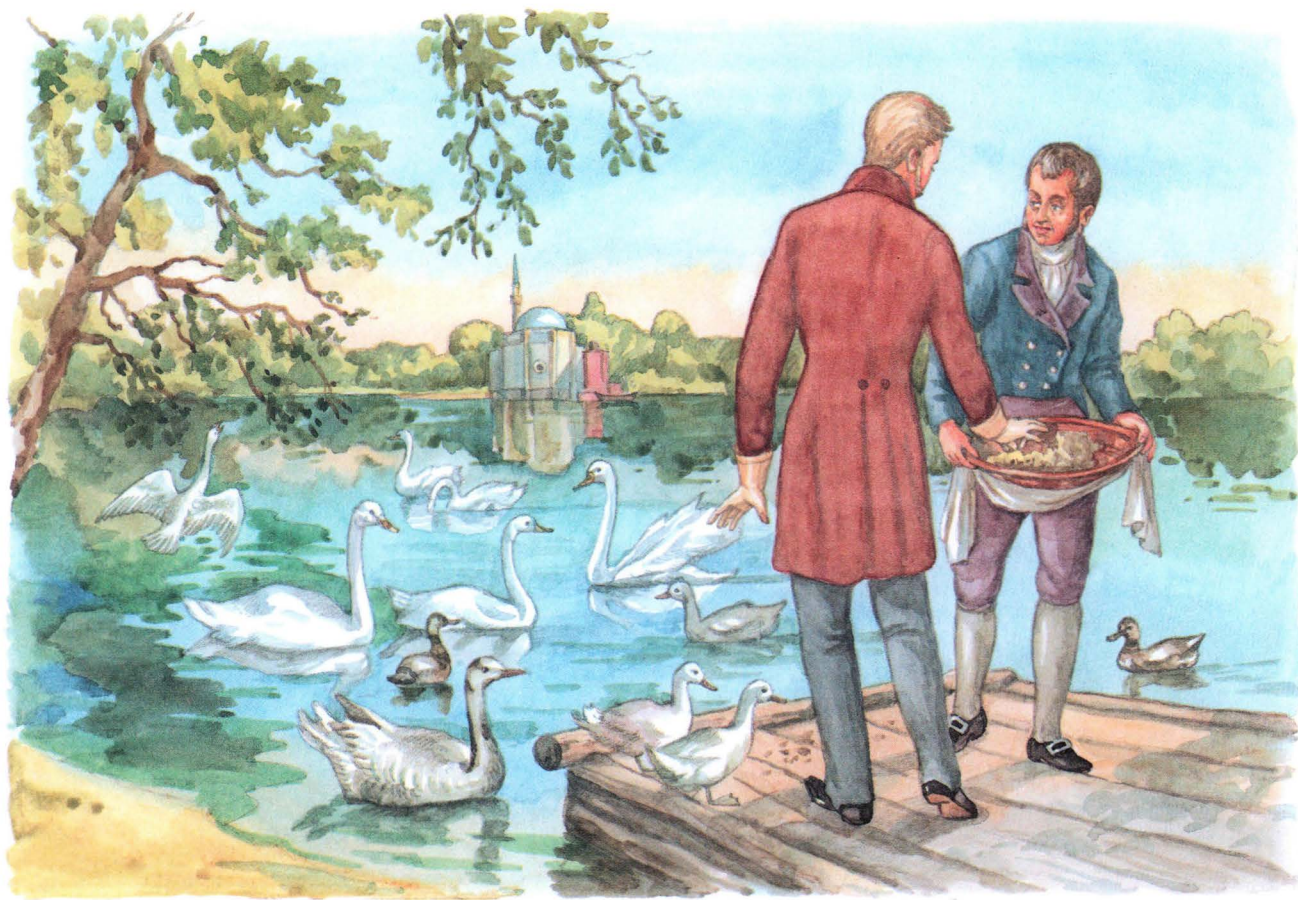
Последнее же прибежище Александра, дом в Таганроге, и вовсе не имело ничего общего с дворцом. Дом был одноэтажный и по императорским меркам крохотный: в одиннадцать окон по фасаду, причем любой прохожий мог легко заглянуть с улицы в окна самодержца. Царь занимал всего две комнаты: та, что побольше, служила ему кабинетом и спальней, а в маленькой он одевался. Камердинер ютился в коридорчике, а имущество государя хранилось в подвале. Императрице достались восемь комнат, но в двух обитали две фрейлины. Ни о каком тронном зале речи не было: у них с царем на двоих имелся один просторный проходной зал, которому отвели роль столовой и приемной. А мебель стояла самая простая. Тем не

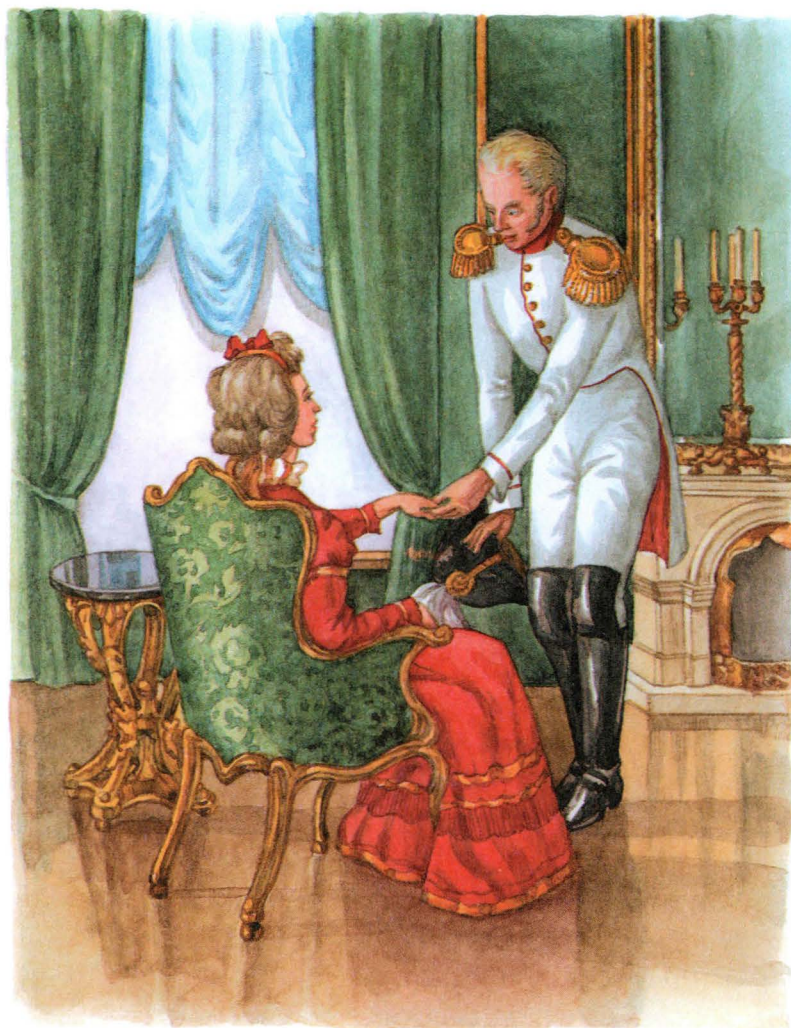
менее император написал Аракчееву о своей жизни умиротворенное письмо: «Здесь мое поместье мне довольно нравится. Воздух прекрасный, вид на море, жилье довольно хорошее...» Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если учесть, что столько лет перед тем он мечтал жить как простой (но, конечно, обеспеченный) человек — то в маленьком домике на берегу Рейна, то в Америке, то в Крыму.

На лето императорский двор уезжал в Царское Село. Но если до войны 1812 года царские «каникулы» проходили блистательно, в сплошных балах, фейерверках и увеселительных прогулках, то после все стало значительно строже. Если при Екатерине II многочисленные дворцовые помещения едва вмещали придворных, то, покуда монарх преследовал Наполеона по всей Европе, императрица коротала время

в Царском Селе в обществе всего трех придворных дам и гофмаршала.

И Александр, приезжая впоследствии на свою царскосельскую «дачу», вел весьма экономный образ жизни. В седьмом часу утра его величество уже пил чай, причем всегда зеленый, со сливками и с гренками из белого хлеба. Напившись чаю и одевшись, он отправлялся гулять. У царя был свой выход в сад, через который он попадал в аллею, ведущую к большому озеру с плотиной и птичником по соседству. Там его уже ждали. Ждали птичники с корзинами птичьего корма. Ждали гуси, лебеди и утки, которым самодержец лично раздавал корм, надев специальную перчатку. Ждал садовник Лямин, чтобы получить распоряжения насчет сада и парка. Покончив с сельскохозяйственной частью маршрута, государь отправлялся дальше.

К его возвращению, к 10 часам утра, садовник приносил большие корзины с фруктами и ягодами из царскосельских оранжерей. Отведав земляники, царь рассылал фрукты придворным. Потом, переодевшись, принимал министров и начальника главного штаба, прискакавших из Петербурга с докладами. Отпустив государственных мужей, Александр навещался в Павловск к маменьке — поцеловать ей ручку, а к четырем возвращался обедать. После обеда катался в экипаже или верхом. В девятом часу император пил чай и занимался делами у себя в кабинете, а в одиннадцать пил простоквашу и ложился спать.

И все же императорская семья обходилась государству примерно в треть его

доходов. Как-никак у царя были три брата — Константин, Николай и Михаил — и три сестры, а каждому члену царской семьи полагался штат прислуги и придворных. Например, матушка царя, вдова Павла I, имела право расходовать 200 тысяч рублей в год из казны. Но Александр просил ее принять миллион. (Большую часть этих денег она тратила на благотворительность.) Да и содержание дворцов стоило недешево.

Что касается штата самого императора, то в истории остались его личный кучер Илья Байков, камердинер Завитаев и лейб-медик Виллие.

Яков Виллие был очень нервным человеком. Когда его повелитель тяжело заболел, он впадал в панику. Как писал его коллега, хирург Тарасов, также лечивший царя, он «казался потерявшим свое практическое

присутствие духа». То есть, попросту говоря, не знал, что делать: слишком велика ответственность — лечить монарших особ. Особенно досталось ему во время последней болезни Александра. Виллие растерялся, когда тот упал в обморок. Когда его величество отказался принять лекарство, лейб-медик записал в дневнике: «Он приводит меня в отчаяние». Один раз он даже заплакал. Тогда тяжело больной государь сказал ему: «Подойдите, мой милый друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это? У меня свои причины». (Император боялся, что его отравят.)

Чтобы не тратить силы, утешая доктора, император призвал Тарасова. Тот был более толковым врачом, однако

Виллие, опасаясь, видимо, конкуренции, старался не подпускать его к коронованному пациенту. «Вот, любезный Тарасов, как я разболелся, останься при мне. Якову Васильевичу одному трудно, он устает, и ему по временам нужно успокоиться». И все-таки, как бы ни переживал Виллие из-за своего «обожяемого повелителя», последний диагноз он, как считают некоторые биографы Александра, поставил неправильно.

Кучер Байков, наоборот, был тверд в своей преданности хозяину. Он лично вез царя в последний путь — из Таганрога в столицу. По приезде в Москву гроб поставили на парадную колесницу. Байков и тут сел на козлы. Кучер, приставленный к новой колеснице, попросил уступить ему место. Байков решительно отказался. Разгорелся спор. Наконец подошел московский генерал-губернатор князь Голицын и велел силой согнать Байкова — куда ж ему с бородою участвовать в церемонии! На это лейб-кучер Александра I с достоинством ответил: «Я возле императора с лишком тридцать лет и хочу служить ему до могилы, а если теперь мешает только моя борода, то прикажите сейчас ее сбрить». Тогда Голицын растрогался и приказал оставить Байкова на козлах.

Однако самая большая роскошь для любого монарха — не дворцы, не мебель, не личные врачи, а нормальное общение. И в этом смысле царь обычно самый обездоленный человек в своей стране, сколько бы ни расходовало на него государство. Потому что занимает в обществе слишком необычное положение. Фрейлина вдовствующей императрицы Марии Федоровны описала в своих воспоминаниях такой случай. Отец этой фрейлины тоже служил при дворе много лет и пользовался у всей царской семьи большим уважением. Однажды Мария Федоровна сказала ему: «Ты, мой друг, хочешь ли называться моим другом?»

*Ж. Монье
«Портрет императрицы
Елизаветы Алексеевны»*

На что тот ответил: «Я не могу быть вашим другом, так же, как и вы моим. Дружба требует равенства и взаимности услуг, а я не могу от вас требовать того, что требовал бы от друга». Но далеко не все придворные были столь же честны. Как правило, с царями старались «дружить» в корыстных целях.

И Александр I всю жизнь нуждался в искреннем собеседнике, с которым можно было забыть об одиночестве. И такие люди ему встречались.

Его жена пригласила на место фрейлины гречанку Роксану Стурдза. Девушка не блистала красотой, зато была умна, обаятельна и обладала даром поддерживать беседу. Царю не раз ее заочно хвалили общие знакомые, дразня его любопытство. В свою очередь, барышня Роксана отличалась не только высоким интеллектом, но и чувствительностью. Как-то раз еще до знакомства она увиде-

ла его величество в церкви, куда тот заехал помолиться перед отъездом из столицы к войскам (назревала война с Наполеоном). «Вокруг него теснилась несметная толпа. Торжественность церковных молитв, умиление народа, искренность, сдержанность и самоотречение главы государства, все чрезвычайно как меня тронуло, — написала она в своих мемуарах. — Я чувствовала, что внутренне приношу ему в жертву все мое существование...» Личная встреча, когда она состоялась, не разочаровала ни императора, ни фрейлину, и впоследствии, ради удовольствия поболтать с Роксаной, Александру I случалось пренебрегать придворным этикетом.

Однажды в Бадене, утомленный торжественным обедом в свою честь, царь вышел к придворным, увидел у окна Роксану Стурдза и на целый час углубился в беседу, покуда хозяйка дома чуть ли

не насильно не вернула его в компанию коронованных особ. «Понимаете, ваше величество, — объясняла ему Роксана, — я в глубине души республиканка и придворной жизни терпеть не могу. Все эти чины и разные степени знатности мне смертельно скучны. Только смотрите, никому об этом не проговоритесь, а то меня тут не поймут». — «Нет-нет, — заверяет ее император, — я вообще-то и сам так думаю. Надеюсь, что после меня эти предрассудки утратят всякое значение».

Царю нравилось посреди блистательного бала подойти к любимой собеседнице и заговорить с ней о том, как у них совпадают взгляды на жизнь. Ему было приятно, что ему сочувствуют. Именно ей он рассказывал, как после кончины Павла вынужден был скрывать от всех свои чувства, как запирался в дальней комнате и там «испускал глухие стоны, сопровождаемые пото-

ками слез». «О, как этот простой рассказ... должен внушать умиление к участи государей!» — думала Роксана со слезами на глазах. Судя по витиеватому обороту: «приношу ему в жертву все мое существование», она была влюблена в своего монарха.

Потом Роксана вышла замуж за графа Эдлинга и уехала в Бессарабию (теперешнюю Молдавию) выращивать виноград на землях, которые подарил ей Александр I. С тех пор царю некому было толком пожаловаться, разве что Аракчееву. Может, потому-то он так часто и говорил в последние свои годы, что устал от жизни?

Запросто, без короны

Будучи единовластным правителем огромной страны, император держался просто. Мало того, в первые годы царствования он имел обыкновение пешком прогуливаться по набережным Петербурга. Однажды он, не чинясь, перевязал собственным платком руку какому-то раненому крестьянину. Другой раз, проезжая берегом Немана, увидел бурлака, зашибленного лопнувшим канатом, и сам помог поднять его, распорядился привести врача...

Вот 1825 год; Александру остается жить нездоровых дней. В Таганрог, к нему на поклон, приезжают представители того народа, которого Пушкин в стихотворении «Памятник» назвал «друг степей калмык». Император по болезни делами не занимается, но Елизавета Алексеевна рассказывает ему, что «друзья степей» недавно впервые в жизни услышали, как звучит клавесин, и пришли в неопишуемый восторг. Развеселившись, царь говорит ей: «Хорошо, вы можете доставить себе это удовольствие, когда они придут к вам прощаться;

скажите им, что вы узнали, что они любят музыку, и сыграйте им что-нибудь».

Интересно, что императрица была вовсе не против дать концерт для калмыков. Но, поразмыслив, супруги решили, что калмыкам такая демократия, пожалуй, не понравится, ибо они ждут от царей величия; так что пусть уж лучше им сыграет сопровождающий государя в поездке князь Волконский.

Между прочим, этот князь, которого Александр знал с детства, сопровождал монарха едва ли не во всех поездках. Он отличался исключительной преданностью. И тогда как со всеми остальными его величество держался хоть и просто, но величаво, наедине с Волконским он мог себе позволить побыть человеком, который смеется, сердится или бранится, как все прочие люди. Иногда царь срывал на нем дурное расположение духа (а князь потом отыгрывался на своих подчиненных). Рассказывали даже, что во время многочисленных поездок самодержец имел обыкновение дремать в коляске, преклонив голову к плечу Волконского.

А. Мартынов
«Царское Село. Садовая улица»

За стенами дворца

«Да, я люблю моих подданных, хотя до сих пор мало еще сделал для них, — сказал как-то Александр в частной беседе. — В особенности люблю я добрый простой народ...» Скорее всего, он говорил искренне. Император умудрился полюбить народ заочно, еще в юности, под влиянием трудов по философии и лекций Лагарпа. Кого именно он любил, он не очень себе представлял. Любил — и все.

Между тем подданные жили себе за стенами дворца самой разнообразной жизнью.

Вот Марья Алексеевна Ганнибал, бабушка будущего поэта Пушкина, покупает подмосковное сельцо Захарово с тринадцатью крестьянскими дворами, с населением в 134 человека, «со скотом господским и крестьянским, конским и рогатым, с мелкою всякою скотиною, со птицы и со всяким их крестьянским имуществом, с пашенною и непашенною землею, с лесы и сенными покосы, с прудами и рыбны-

ми ловлями, мельницею на пруду...»

Вот скромный дворянин Вигель Филипп Филиппович, служащий уже не Московского архива, а департамента внутренних дел, где работает Сперанский, скачет на тройке из Москвы в Петербург. Доехав до Твери, он останавливается в трактире итальянца Гальяни, промерзший и проголодавшийся. В трактире отмечают какое-то событие офицеры кавалерийского полка; они приглашают Вигеля к столу. Он

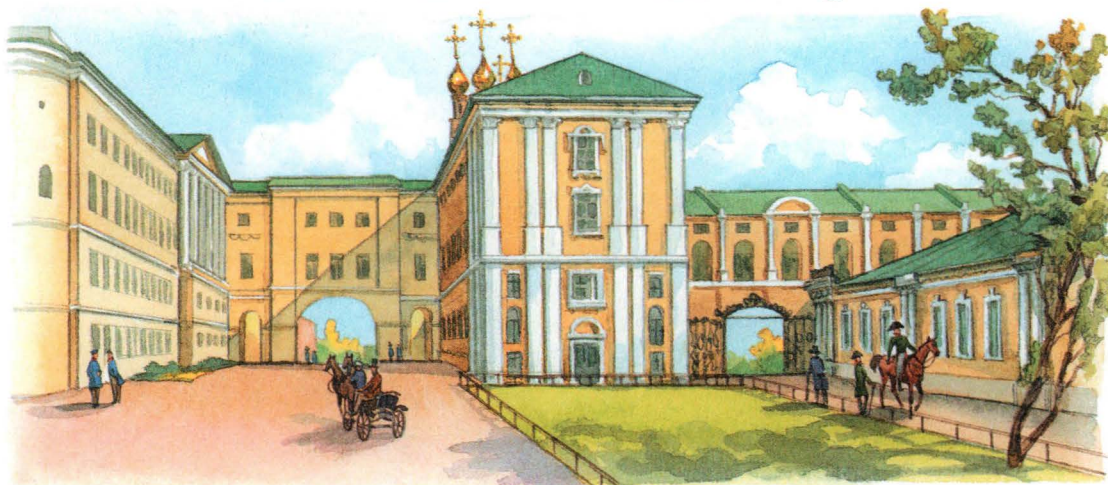
«даром наелся и, уступая потчеванию, еще более напился, потом поблагодарил их и пошел ложиться в кибитку». Проснувшись, он обнаружил, что проспал более 200 верст.

Вот имение Лубны, Полтавского уезда. Там стоит Егерский полк. Все офицеры его и командир влюблены в хозяйскую дочку шестнадцати лет, хорошенькую и кокетливую Анну. Но приезжает генерал Керн, начальник дивизии, в которой состоит этот полк, и родители барышни решают, что лучшего жениха для дочери не сыскать. Керн старше на 40 лет, Анне тошно от его ухаживаний, но она понимает, что переубедить родителей невозможно. Поэтому на вопрос генерала: «Не противен ли я вам?» — отвечает: «Нет!» — и выходит за него замуж.

А вот Саровский мужской монастырь. Там живет инок отец Серафим, который через некоторое время станет известен как святой Серафим Саровский.

Иногда эта незнакомая жизнь почти вплотную приближалась к жизни императора.

Непредсказуемый Лицей

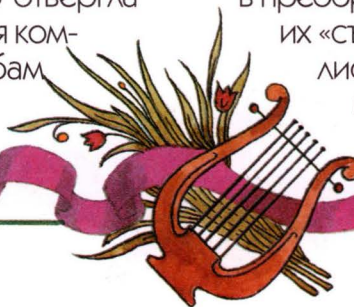
Встречу с внуком Марьи Алексеевны Ганнибал Александр I подготовил собственноручно, распорядившись основать Царскосельский Лицей. Проект этого учебного заведения разработал Сперанский. Оно было закрытым, что вполне соответствовало склонности государя к тайнам. Лицейстам предстояло шесть лет прожить вдали от родных. Оно было совершенно новым для России, и само название его долго изумляло публику. И, между прочим, оно было единственным в стране, чей устав запрещал телесные наказания. В обществе ходили слухи, что император намеревался воспитывать там своих младших братьев, Николая и Михаила, в обществе детишек из хороших семей, но в последнюю минуту его матушка решительно отвергла эту идею, сказав, что такая компания не подходит особам царского рода.

Учреждение Лицея оказалось в числе тех благих намерений его величества, из которых вышло совсем не то, что планировалось.

Перед тем, как покинуть Лицей, один из его выпускников, Дельвиг, ставший потом известным как поэт и знаменитым как друг Пушкина, написал стихотворение:

*Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас, юных, съединил
И в сем святом уединенье
На службу музам посвятил.*

Но в том-то и дело, что царь вовсе не собирался никого посвящать на службу музам! Он полагал, что в Лицей поступают будущие столпы Отечества, государственные деятели нового типа, которые станут ему помощниками в преобразовании страны. Не затем он их «съединил», чтобы они подружись, а затем, чтоб оградить от влияния родителей, лишенных

И. Репин
«А.С. Пушкин в день
выпуска в Лицей
8 января 1815 года»

тяги к преобразованиям. Царь решил выращивать помощников сам и на своей территории, в Царском Селе.

19 октября 1811 года он сидел в первом ряду лицейского зала, милостиво отвечал на неумелые поклоны двенадцатилетних мальчишек, которых к нему подводили, и внимательно вглядывался в их лица. Откуда же Александру I было знать, что кое-кто из них, едва окончив Лицей, вступит в тайное общество, чтобы действовать против царя! И что не успеет он раскланяться с Пушкиным, как тот уже начнет писать стихи.

Государь отдал лицеистам огромный четырехэтажный флигель дворца, где раньше жили его сестры (причем флигель этот соединялся с дворцом). Он пустил их гулять по своему саду, слушать по вечерам полковую музыку. Он подавал директору разные идеи. То предложил летом посылать воспитанников на дежурство при императрице, уверяя, что это послужит им на пользу. То захотел узнать, есть ли желающие поступить на военную службу, и, узнав, что есть, распорядился учредить класс военных наук.

А что же лицеисты? Они объявили Царское Село «приютом муз» и принялись в нем хозяйничать. И тут монарху снова пришлось вспомнить о Пушкине.

В тот самый темный коридор между Лицеем и дворцом выходили комнаты фрейлин Елизаветы Алексеевны. У одной из них, пожилой княжны Волконской, была хорошенькая горничная Наташа. Лицеисты за ней ухаживали, и Пушкин тоже. Вот шел он однажды впотьмах один по коридору, вдруг — шорох платья. Наташа! И Пушкин, недолго думая, кинулся ее поцеловать.

Тут открылась дверь одной из комнат, коридор осветился. Смотрит Пушкин — а перед ним сама княжна Волконская.

Поэт в ужасе бежал с места происшествия, но фрейлина наябедничала брату, князю Волконскому, тому самому, который всюду сопровождал царя. А князь, в свою очередь, пожаловался монарху.

На следующий день приходит Александр I к директору Лицея и говорит ему по-французски: «Что ж это будет? Твои воспитанники не только снимают через забор мои налив-

ные яблоки, быют сторожей садовника Лямина, но теперь уже не дают прохода фрейлинам моей жены». Тот начал ученика защищать: дескать, он, бедный, в отчаянии, хочет письменно просить у княжны прощения, да и вообще он не нарочно... Это-то государь и сам понимал. Потому что хоть и любил дамское общество, но фрейлину Волконскую нарочно целовать не стал бы. Поэтому Пушкина он простил, но велел, на всякий случай, предупредить, чтобы это было в последний раз.

Действительно, при жизни самодержца Пушкин с фрейлинами больше не целовался.

Но ходили слухи, будто из-за этой истории лицестов выпустили досрочно и безо всякой помпы. Александр I сказал краткую речь и отправился взглянуть на комнаты выпускников. Директор поторопился его предупредить, что всюду беспорядок по случаю предстоящего отъезда. «Это ничего, — ответил царь, — я сегодня не в гостях у тебя. Как хозяин хочу посмотреть на сборы наших молодых людей». Видно, желал удостовериться в том, что все наконец уезжают.

Через несколько лет монарх снова заговорил с директором Лицея о Пушкине.

Как раз накануне военный генерал-губернатор Петербурга Милорадович лично, по его приказанию, доставил ему тетрадь с пушкинскими стихами, кото-

рые поэт вписал туда собственноручно (к счастью, без эпиграммы на Аракчеева). И вручил со словами: «Здесь все, что разбросалось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать!» Царь улыбнулся и, конечно, прочел. А там: «И на обломках самовластья напишут наши имена!» «Вот, выучил юношу бесплатно, чтобы он радел о благе государства, — думал, возможно, самодержец, — а он мне: "кочующий деспот"!»

Итак, он встретил директора в царскосельском саду, пригласил пройти и сказал: «Энгельгарт, Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает». Директор опять стал заступаться за воспитанника, пусть и бывшего: дескать, талант в нем развивается необыкновен-

ный, и за то надо его пощадить. «Пушкин и теперь уже — краса современной нашей литературы, а впереди еще большие на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека...»

В общем, Пушкина не сослали в Сибирь, но выдворили из столицы — отправили служить на юг, а потом загнали и в село — только не Захарово, а Михайловское. А тетрадка, исписанная рукой великого поэта, пропала.

Может, самодержец возил ее с собой и почитывал иногда «возмутительные стихи»?

Е. Гейтман
«А.С. Пушкин»

Императорский долгострой

Один из современников Александра I, подводя итоги правления своего государства, привел следующее сравнение: «Исаакиевская церковь в ее теперешнем разрушенном состоянии представляет точное подобие правительства: ее разрушили, намереваясь на старом основании воздвигнуть новый храм из массы нового материала... это потребовало огромных затрат, но постройку пришлось приостановить, когда почувствовали, как опасно воздвигать здание, не имея строго выработанного плана. Точно так же идут и государственные дела: нет определенного плана, все делается в виде опыта, на пробу, все блуждают в потьмах».

Эти строки были написаны в 1825 году, когда императора не стало. Меж-

О. Монферран

ду тем, проектом перестройки старой Исаакиевской церкви, возведенной при Павле, он увлекся еще в 1817-м. Но и к середине столетия жители Петербурга все еще могли любоваться деревянным забором, окружавшим строительную площадку.

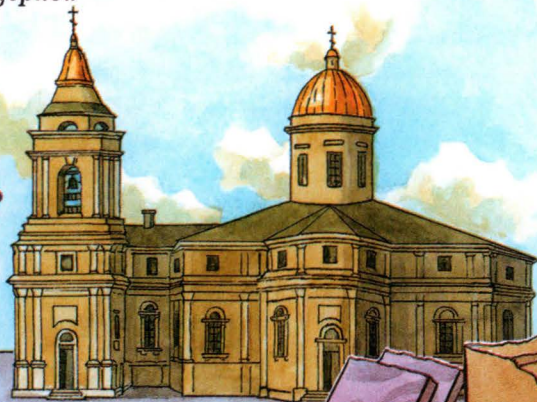
Дело перестройки поручено было архитектору Монферрану. Ежегодно на строительство отпускалась крупная сумма, а долгожданный шедевр все никак не показывался над забором. Чтобы доставить царю положительные впечатления, Монферран придумал постро-

ить деревянную модель будущего собора. Ее собирали больше года, и в собранном виде она занимала большую комнату почти целиком. Купол покрывала настоящая позолота; лакированное дерево выглядело точь-в-точь как гранит и мрамор. Игрушка раздвигалась при помощи рукоятки, и тогда можно было видеть настоящий золоченый иконостас с крохотными иконами и полную внутреннюю отделку.

Помещение, где стояло это чудо света, находилось как раз рядом с квартирой Филиппа Филипповича Вигеля.

Сперанский к тому времени давно уже был отставлен от важных государственных дел, Вигель служил переводчиком, а начальник его,

Реконструкция здания Исаакиевской церкви

генерал Бетанкур, имел отношение к любимой стройке императора.

Александр пожелал взглянуть на модель. Тогда Монферран разыскал в Академии художеств и модель старой церкви, грубовато сколоченную, плохо сохранившуюся, и поставил для контраста в передней комнате.

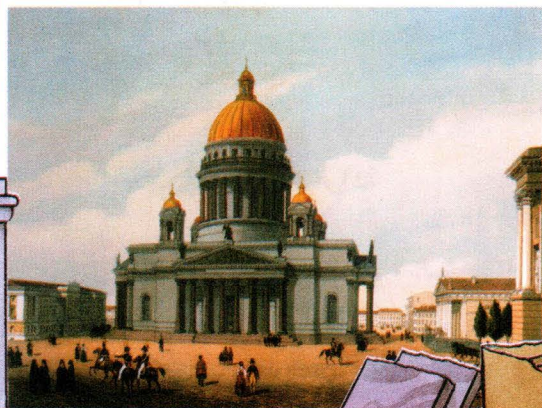
Вигель же не мог упустить случая посмотреть на государя вблизи и напросился к архитектору.

Поначалу он держался поближе к двери, но, поскольку монарх ничего о нем не спросил, осмелел и подошел поближе. Собор-то был игрушечный, а император настоящий, а это куда интересней. С величайшим вниманием он все рассматривал, обо всем расспрашивал, делал свои замечания и несколько раз низко нагнулся, чтобы посудить об эффекте, который произведет внутренность храма. Как он был еще хорош с лишком в сорок лет и с обнаженным чело́м, и при умножающейся тучности как был он еще строен!

«Не меня дарил он улыбками, не ко мне обращал он милостивое сло-

Ф. Бенуа

«Исаакиевский собор»

Д. Доу

«Портрет императора Александра I»

во, а я весь был очарован, — писал потом Вигель в своих «Записках». — Удаляясь и взглянув на оба моделья, на пестрый и потускневший и на тот, который блистал белизной, обратился он к Бетанкуру и сказал ему: «Вы знаете, насчет нашего предприятия как много в городе сплетен и пересудов; эти модели будут лучшим на них ответом»».

Строительство Исаакиевского собора закончили только к 1858 году — а еще через три года как раз и крепостное право отменили.

Дамский угодник

*С. Щукин
«Портрет императора Александра I»*

Его величество обожал дамское общество. С представительницами прекрасного пола он был предупредителен и старался нравиться. Кроме того, он любил военное дело. И вот в тот самый год, когда Пушкин закончил Лицей, государь император приехал в Полтаву на военный смотр. Местные дворяне дали в его честь бал. И тут монарху нашлось чем порадовать глаз.

На том же балу оказалась семнадцатилетняя жена генерала Керна. Будучи ценителем женской красоты, Александр I пригласил ее танцевать, пустился в любезности и, конечно же, ей понравился, как нравился всем без исключения дамам. Спустя годы Анна напишет в своих воспоминаниях: «Весь он с его обаятельной грацией и неизъяс-

нимою добротою, невозможными ни для какого другого смертного, даже для другого царя, восхитили меня, ободрили, воодушевили, и робость моя исчезла совершенно. Не смея ни с кем говорить доселе, я с ним заговорила, как с давнишним другом и обожаемым отцом».

Танцуя с хорошенькой генеральшей, император сказал: «Если вам когда-нибудь что-нибудь понадобится, обращайтесь прямо ко мне».

Еще через пару лет Анна Керн познакомилась с другим великим Александром — Пушкиным. Интересно, что ни тот, ни другой не забыли красавицу. Император действительно помог ей в трудную минуту, а поэт посвятил Анне стихи «Я помню чудное мгновенье».

Вот только с настоящим святым царь так и не познакомился.

«Тайно и нечаянно действуя...»

Фотий во время первого визита к государю императору дал ему совет, который сформулировал так: «Противу тайных врагов тайно и нечаянно действуя, вдруг надобно открыто запретить и поступать». Совет был, пожалуй, излишним, потому как что-то, а действовать тайно Александр умел.

Его самостоятельная деятельность началась с обсуждения в компании четырех друзей будущих реформ. Беседы происходили в обстановке секретности, а общество получило название Негласного комитета. Потом царь потихоньку отстранил от себя этот комитет и стал готовить нововведения сам, но опять-таки в тайне.

С одной стороны, монарх долго не мог решить, с чего начать: с конституции или с отмены крепостного права. С другой стороны, и начинать было страшно, потому как после 1801 года он боялся за собственную жизнь. Отменить крепостное право значило взять на себя огромную ответственность. Опора царей — дворяне; дворяне владеют крестьянами; лишить их собственности на крестьян — и вот они устраивают переворот, и Александра постигнет участь его отца Павла I. Да и народ, почуяв свободу, не начнет ли бунтовать? Случилась же во Франции революция. (Александр довелось также быть современником революций в Испании и в Неаполе, что напугало его еще больше.)

Нет, император вовсе не стремился ни с кем ссориться, а стремился к тихой и мирной жизни.

Поэтому он не стал сразу освобождать крестьян, а ограничился для начала «Указом о вольных хлебопашцах». Посредством этого указа сознательные помещики получали право добровольно

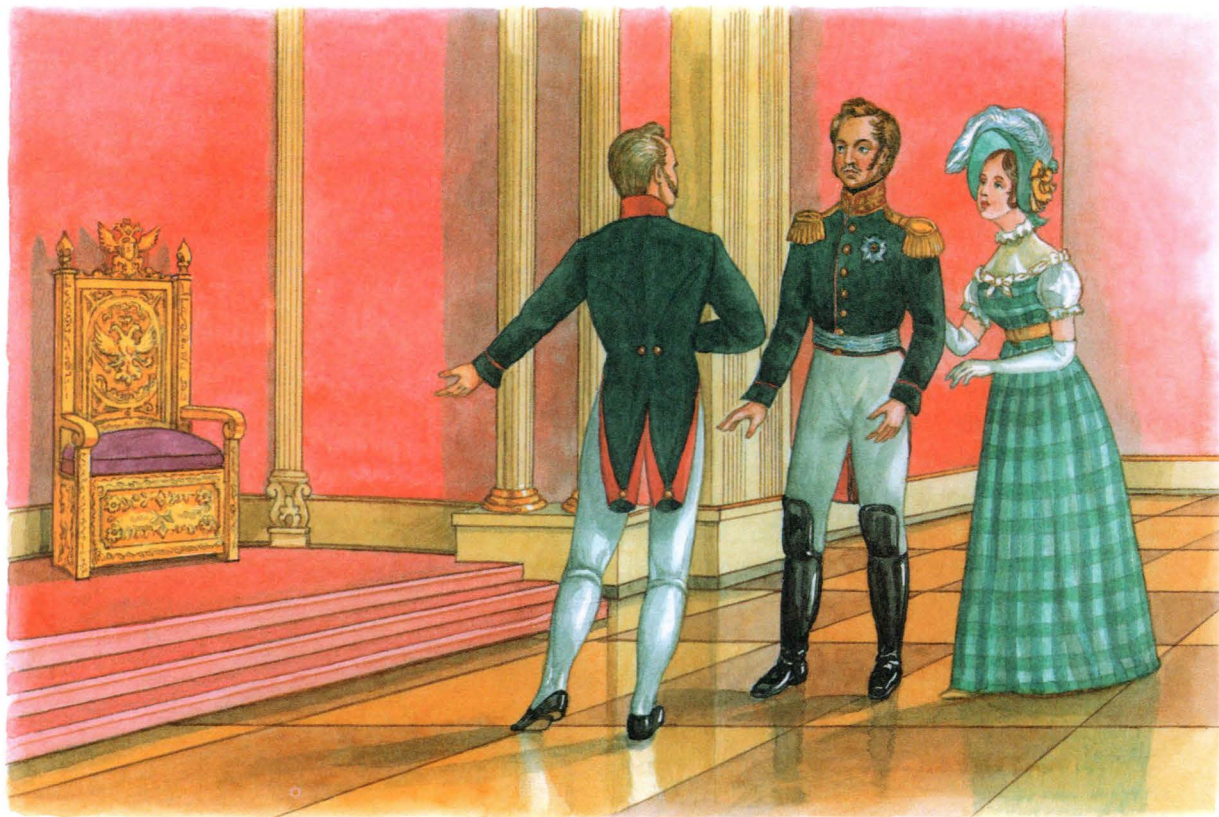
отпускать крестьян на волю за выкуп. Помещики Прибалтики, которая числилась тогда за Россией, этим правом действительно воспользовались, чем весьма порадовали государя. Но когда к царю пришла делегация нескольких российских помещиков с просьбой допустить комитет по содействию освобождению крестьян, она получила от него отказ. В то же время в глубокой тайне проекты реформы параллельно разрабатывали Аракчеев и министр финансов Гурьев. Оба проекта хода не получили.

Царь экспериментировал и с конституцией, но как-то тоже окольными путями. Он даровал конституцию Финляндии, отвоеванной у Швеции, а также Польше, которую получил при разделе Европы после войны с Наполеоном. При этом он сказал полякам: «...Вы подали мне средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приурочиваю...» Узнав об этом, российские патриоты не обрадовались, а обиделись на то, что поляков царь посчитал более достойными конституции.

На самом деле лучшие дворянские умы в государстве были заняты теми же проблемами, что и самодержец. Но он почему-то не торопился приветить единомышленников. Почему? Историки пока не пришли к общему мнению на этот счет.

Еще одной тайной монарха была мечта об отречении. И чем далее, тем чаще подданные, а также иностранные знакомые слышали от него загадочные пассажи вроде: «Я не был бы недоволен сбросить бремя короны, странно тяготящей меня». Или: «Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку».

Но предстояло решить, кому передать трон. Сыновей у Александра не было, однако были братья. Константин упорно отказывался царствовать. Следую-

щим по старшинству являлся Николай. Он женат, недавно у него родился сын, короче, — взрослый человек, вот пусть и правит. Александр уже рисовал в своем воображении день коронации, брата верхом на коне и себя в толпе, кричащего «Ура!», никем не узнанного, — одним словом, обычного человека. Ошарашив в один прекрасный день Николая и его супругу заявлением о том, что их ожидает императорский сан, Александр за два года до смерти решил узаконить брата в качестве наследника престола.

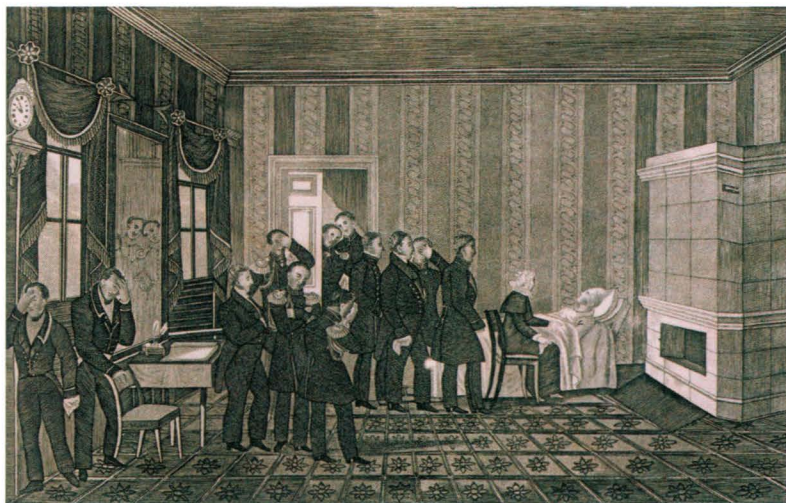
И вот архиепископу Филарету совершенно секретно поручено было подготовить Манифест о назначении наследником престола великого князя Николая Павловича и тайно положить его на хранение в алтаре Успенского собора московского Кремля вместе с другими государственными актами. Царь не стал обнародовать документ, потому что в глубине души рассчитывал в скором времени отречься

и лично объявить брата наследником. По некоторым намекам Александра Павловича историки предполагают, что возможной датой отречения он полагал свой 50-летний юбилей. Отречься он не успел, зато негласность Манифеста успела привести к тяжелым для страны последствиям.

Раз у государя завелось так много тайн от общества, то и общество, в конце концов, завело тайну от него. Однажды генерал Васильчиков поведал ему о существовании тайного общества — «Союза благоденствия» — и даже передал списки участников, желавших свержения самодержавия. «Друг мой Васильчиков! — печально сказал ему царь. — Я сам когда-то разделял и поощрял эти мечтания и заблуждения». И бросил список в пылающий камин со словами: «Не мне подобает карать». Однако все новые известия о тайном обществе, о том, что оно растет и растет, что намеревается лишить его власти

и жизни, преследовали Александра до самой смерти. Они означали, что, во-первых, главный его страх, страх быть убитым, обрел вполне реальные очертания и что, во-вторых, искупить вину не удалось: Отечество не испытывало по отношению к нему никакой благодарности.

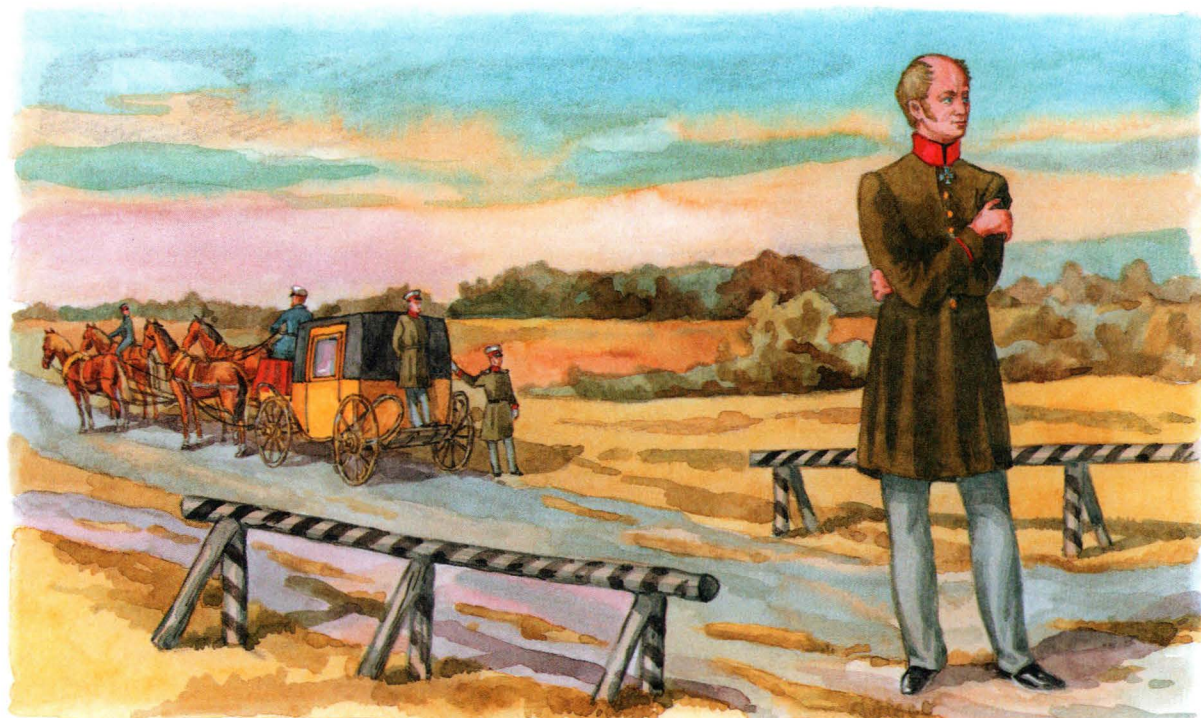
Участники тайного общества, которые в учебниках истории называются декабристами, не знали о Манифесте, а если бы знали, не стали бы восставать 14 декабря 1825 года, получив известие о кончине императора. Они делали ставку именно на междуцарствие: Александра нет, Константин отрекся, новый наследник, как они думали, не назначен; самое время захватить власть. Если бы не пристрастие Александра к тайнам, не случилось бы трагедии под названием «восстание декабристов», и не замкнулась бы мрачная рамка вокруг его

*Неизвестный художник
«Кончина императора Александра I в Таганроге»*

царствования: задушенный Павел непосредственно до — и пятеро повешенных заговорщиков сразу после.

Последний отъезд императора из Петербурга тоже выглядел весьма таинственно. Он выехал ночью, без эскорта, в одной коляске. У заставы приказал кучеру остановиться, обернулся и долго, задумчиво смотрел на спящий город.

Последняя тайна монарха

В народе царя любили, и не только за победу над Наполеоном. Хотя самодержец и держал в тайне свои намерения насчет освобождения крестьян, подданные о них догадывались, в том числе и крестьяне. Поэтому весть о том, что монарха во цвете лет не стало, вызвала самые разные толки. Пессимисты говорили, что он убит придворными. Оптимисты — что нет; то есть убит, но не он, а подменивший его адъютант; а сам государь уплыл на легкой шлюпке в море. Или не уплыл. А лично будет встречать из Таганрога похоронную процессию на 30-й версте от Москвы.

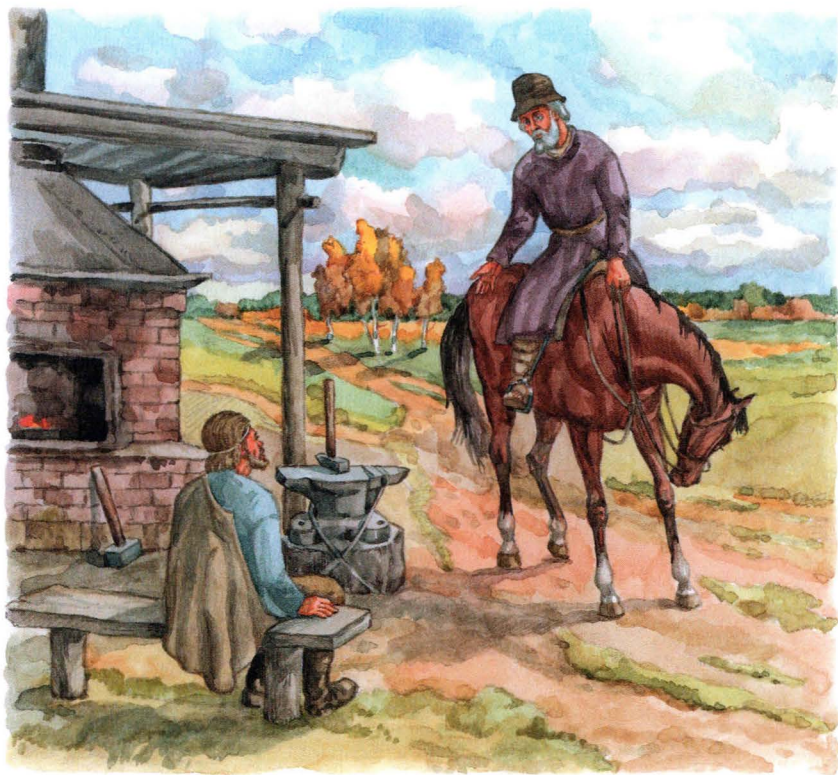
Постепенно слухи утихли — лет на двадцать. А потом зашелестели с новой силой и сложились в странную историю.

Осенью 1836 года в окрестностях города Красноуфимска, Пермской губернии, объявился некий всадник лет

60-ти на вид. Он подъехал к кузнице и попросил подковать лошадь. На нем был обычный крестьянский кафтан, но манера говорить и держаться выдавали знатное происхождение, хорошее воспитание и образованность. Да и лошадь была уж больно хороша. Заинтригованный кузнец пустился в расспросы, но незнакомец отвечал уклончиво. Бывший у кузницы народ заподозрил неладное, незнакомца задержали, доставили в город и стали допрашивать. Он, впрочем, и не сопротивлялся. Документов при нем не оказалось, а сам он назвался крестьянином Федором Кузьмичем.

Федор Кузьмич был высокий, симпатичный, добродушный, белолицый, голубоглазый, с длинной седой бородой. Он вызывал сочувствие. В то, что он из крестьян, никто не поверил. Его уговаривали рассказать все, как есть, но он настаивал на том, что он простой бродяга. Поэтому его судили за бродяжничество, приговорили к 20 ударам плетью и сослали в Сибирь, в Томскую губернию.

Куда бы он ни попадал, всюду к нему относились очень хорошо. В разных местах Томской губернии находились у него доброжелатели, которые выстраивали для него избушки, местные жители носили ему еду. Денег у него не было никаких. Старец учил грамоте крестьянских детей, помогал советами, исцелял больных, но всячески избегал разговоров о своем происхождении. Иногда только случалось ему разговариваться, и тогда рассказывал он о придворной жизни Петербурга, о виднейших в государстве лицах, о войне 1812 года, выдавая

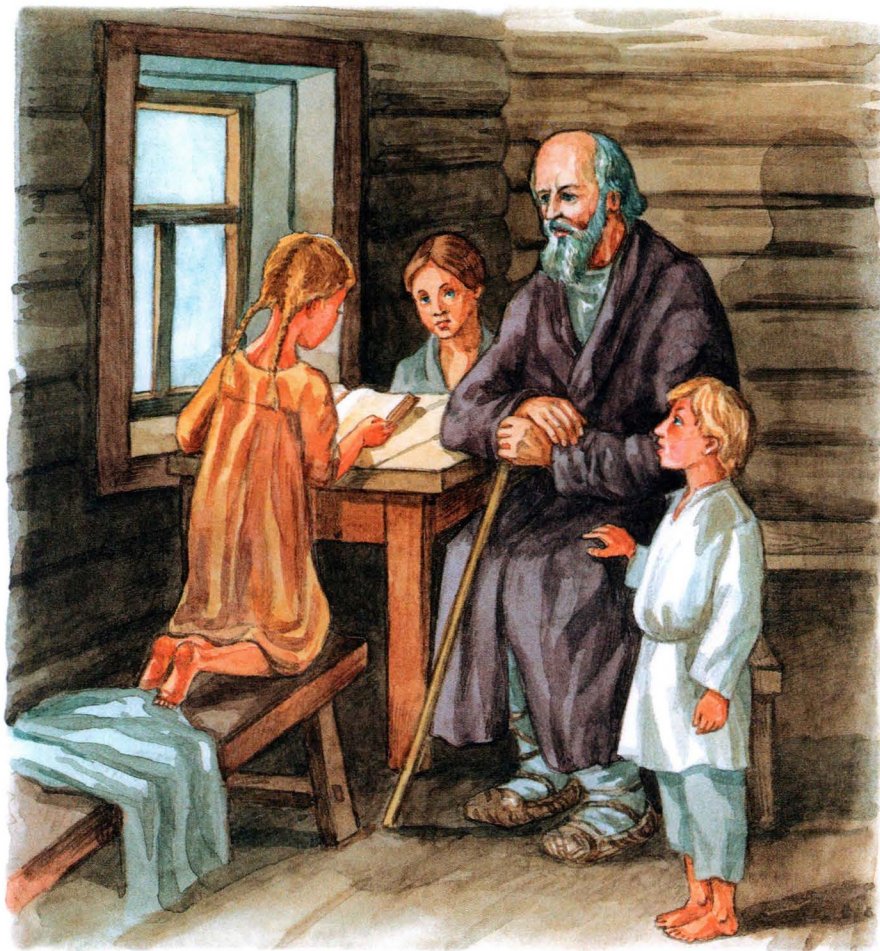

подчас такие мелкие подробности, что слушатели только диву давались.

Жил он очень скромно, все свободное время молился. После его смерти на коленях у него обнаружили мозоли. Среди немногочисленных икон был у него образок Александра Невского. Видели, как по ночам его избушка светится, хотя огня он никогда не зажигал. Крестьяне считали его Божьим угодником и чрезвычайно почитали. Когда же он скончался, на его могиле написали: «Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Федора Кузьмича».

Мало-помалу в Сибирь стали поговаривать, что Федор Кузьмич весьма похож на императора Александра I. Рассказывали, что какой-то ссыльный из бывших придворных, приехав к старцу за помощью, узнал в нем постаревшего Александра и от волнения даже упал в обморок. А человек, опекавший старца в последние годы его жизни, приезжал в столицу и пытался попасть на прием к царю, чтобы рассказать ему о Федоре Кузьмиче, но не был принят. Тем не менее представители династии Романовых совершали паломничества к могиле старца, в том числе и будущий император Николай II.

Было ли это сходство простым совпадением, или на самом деле Александр Павлович сыграл роль Федора Кузьмича? Правда ли монарх осуществил-таки свою мечту покинуть престол и зажечь

сельской жизнью, или же легенда дала ему такую возможность посмертно? Это до сих пор не известно.

В общем, Александр I оказался нетипичным царем. Он был самодержцем с республиканскими взглядами, он мечтал отказаться от трона, стал героем скандальной, с точки зрения правящей династии, легенды. Кроме того, его всю жизнь мучила совесть. И, в конце концов, преследуемый числом «два», он сам себе выставил «двойку» за царствование, от чего и страдал. А между прочим, его гениальный тезка, Александр Сергеевич Пушкин, хоть и поругивал монарха, «двойку» ему не поставил. Наоборот, он прославил в веках главные достижения Александра I. Их, конечно же, получилось два.

Он взял Париж, он основал Лицей.

СОДЕРЖАНИЕ

Страшный сон.....	2
Трудное детство самодержца.....	4
Помолвка на высшем уровне.....	7
Грачи прилетели.....	8
Два актера.....	10
Кто заманил Наполеона в снега?.....	14
Кино «Александр в 1812 году»	15
Замечательные чудачки и оригиналы.....	19
Тайна изгнания.....	20
«Скажи мне, кто твой друг...».....	23
Фотий и бесы.....	28
Содержание императора в домашних условиях.....	30
Запросто, без короны.....	35
За стенами дворца.....	36
Непредсказуемый Лицей.....	37
Императорский долгострой.....	40
Дамский угодник.....	42
«Тайно и нечаянно действуя...».....	43
Последняя тайна монарха.....	46

Наталья Валентиновна Ермильченко

Александр I Благословенный

Для среднего школьного возраста

Книга об Александре I, одном из самых неординарных и загадочных самодержцев из династии Романовых, который в юности не хотел быть монархом, в зрелые годы удостоился титула «Царя царей», а после смерти стал героем легенды.

Художник Александр Иванович Чаузов

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев

Директор издательства А. Астахов

Коммерческий директор Ю. Сергей

Главный редактор Н. Астахова

Редактор: Л. Жукова

Научный редактор: В.И. Михайлов

Корректурa: Н. Старостина

Компьютерная верстка: С. Карпачева

Сканирование: О. Кругова

ISBN 5-7793-0503-x

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 г.

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Metallургов, 56/2,
тел.(095)176-91-09, 176-91-04, 176-94-63

E-mail: belygorod@mail.ru

Оптовые поставки — фирма «Паламед»,

111399, Москва, ул. Metallургов, 56,

тел. (095)176-68-95, 176-91-09, 176-80-97,
176-91-04, 176-94-63, 288-75-36, (812)265-40-65

факс 176-68-09

E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:

Торговый Дом Книги «Москва»,

Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дата подписания в печать 20.06.2002
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
формат 84×108, 1/16.

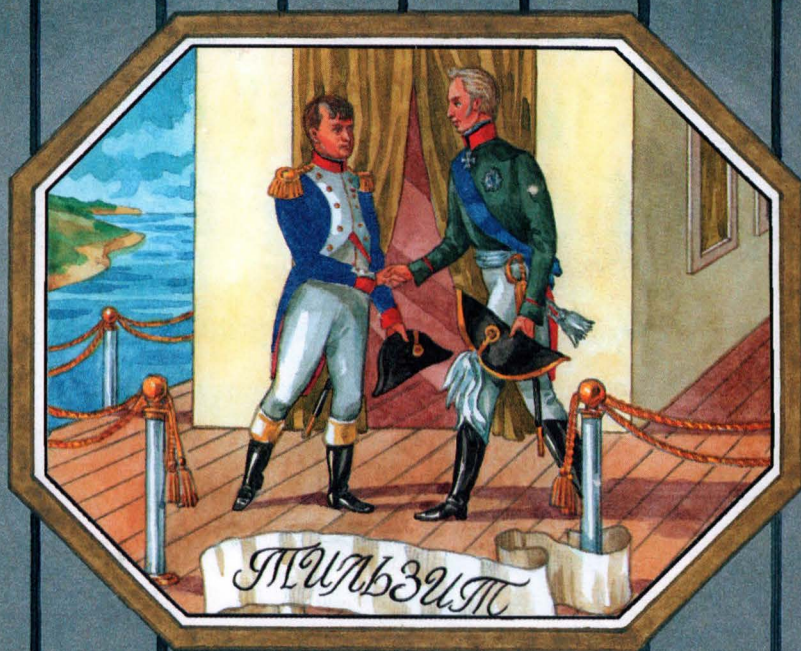
Тираж 7000 экз.
Заказ № 0207290.

Электронный вариант книги:

Скан: LenAlis

Обработка, формат: manjak1961

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, признаны лучшими детскими книгами 2000 года.

Готовятся к выпуску:

НИКОЛАЙ I
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
ВОЙНА НАРОДНАЯ
СВЯТЫНИ РОССИИ

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ
ВЛАДИМИР МОНОМАХ
КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ
МОСКОВСКИЕ СВЯТЫНИ

ISBN 5-7793-0503-x

9 785779 305037

ИСТОРИЯ РОССИИ

АЛЕКСАНДР I БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

БЕЛЫЙ ГОРОД

АЛЕКСАНДР I БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

Учителем Александра был иностранец Лагарп

Рано утром во дворец Александра пришла весть: Павел убит!

До войны два императора — Наполеон I и Александр I — часто встречались

Участь Сперанского была решена: выслать!

Александр просил отца Фотия благословить его на службу Отечеству

По ночам избушка старца Федора Кузьмича светилась, хотя огня он не зажигал

С подчиненными Аракчеев не церемонился: часто охаживал их дубинкой

Царь основал Царскосельский Лицей: ему нужны были помощники

БЕЛЫЙ

ГОРОД

